

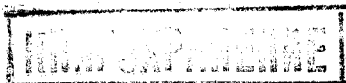
кр 63.4
Д 45

Н. ДИКОВ

По следам
древних
Кистичей

Н. Н. ДИКОВ,

кандидат исторических наук

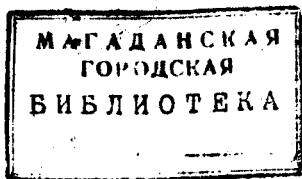

Кр 63.4
Д, 45

По следам древних Костюков

22102

АРХЕОЛОГИ ИДУТ ПО ЧУКОТКЕ

МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1960

ОТ АВТОРА

Далекая Чукотка отнюдь не та, какой ее представляют некоторые. Стремительными темпами развиваются здесь промышленность и культура, уходит в прошлое и становится достоянием истории прежняя отсталость. Из дымных яранг чукчи переходят в дома, и уже одно это означает целую культурную революцию. Повсеместно вошли в быт электричество, радио, газеты и книги. Многие поселки скоро станут городами. Строители новой Чукотки чувствуют себя совсем не на «краю света», а на самом центральном перекрестке Земли. И такое представление вполне обоснованно, даже в географическом смысле.

Вообразите, что вы смотрите на Землю из космоса. Не правда ли, трудно найти на Земле более центральное место, чем Чукотка? Здесь сливаются воды Тихого и Ледовитого океанов, здесь грань между Западом и Востоком, здесь стык двух самых крупных материков — Азии и Америки, Старого и Нового света. Их разделяет только узкий Берингов пролив, на обоих берегах которого живет один народ — эскимосы. А в далеком прошлом через Чукотку и Аляску проходил основной путь переселений из Азии в Америку. Это был естественный мост между двумя огромными континентами.

На Чукотке, в Анадыре, есть музей — «дом, в котором можно все увидеть», как называют его чукчи. Он размещается пока в маленьком домике, построенном в 1930 году из обломков выброшенной на берег шхуны, и буквально ломится от всевозможных экспонатов и коллекций. Уже четыре года проводит музей археологические экспедиции, в результате которых оживает далекое прошлое чукчей, эскимосов, юкагиров и их предков, населявших эту землю.

В этой книге рассказывается о том, как и где проводились поиски и раскопки древних стоянок, могильников, мастерских и других памятников древней истории, о встречах с нашими современниками и о достигнутых

результатах. Ее задача этим исчерпывается, на историчность в обычном смысле она не претендует.

Этим определяется и то, что автор решил ввести в книгу часть своих дневников. Просматривая их, читатель сможет представить себе, в каких условиях проходила работа нашей маленькой экспедиции.

Каждый год археологические исследования экспедиции охватывали две совершенно различные в культурно-историческом отношении области Чукотки: континентальную тундру с ее сначала охотничье-рыболовецким, а впоследствии кочевым оленеводческим населением и морское побережье, где издавна жили оседло сначала рыболовы, а затем охотники на морского зверя. Континентальные культуры оказались в целом более древними, чем прибрежные. Исходя из необходимости соблюдения исторической последовательности, автор считает уместным ознакомить читателя в первой части книги с работой экспедиции в континентальных районах Чукотки и только после этого, во второй части, — с исследованиями на морском побережье, где изучались более поздние культуры, возникшие на основе культур континентальных.

ПРОЛОГ

Великое оледенение. Чукотка. Очертания ее берегов незнакомы. Берингова пролива нет. Широкая, более чем в тысячу километров полоса приполярной суши, так называемая Берингия (теперь это дно Берингова и Чукотского морей), соединяет Азию и Америку. Мощные ледники надвинулись с гор в долины. В свободных ото льдов промежутках раскинулись тундры. Замерзшие зеленовато-синие речки и всюду множество озер — следы отступления ледника. Земля серая и безжизненная, как будто в ислевшем саване, проступает сквозь белое покрывало снега. Морозное небо холодно-розовой полосой застыло над синью горизонта. Стада рыжих косматых мамонтов, шерстистых носорогов, овце-быков, бизонов и северных оленей возвращаются в глубь страны от морского берега, где они все лето спасались от комаров и оводов. За животными двинулись и люди. Огни их становищ золотой цепочкой мерцают за снежной далью. Морозом веет из мглы этих тысячелетий. Это прошлое, объект и вместе с тем плод исторических исследований. Но мало фактов, только случайные крохи.

1954 год. В руках физика горстка угля. Еще в 1933 году сотрудники музея в Лос-Анжелосе извлекли эти угольки из древнего кострища, раскопанного ими в долине реки Веги (штат Невада) вместе с грубоокатанными и разбитыми костями мамонтов, верблюдов и других вымерших животных. После радиоуглеродного анализа угли сказали: костер был зажжен человеком более 23 800 лет назад. В последние годы в Америке были обнаружены и более древние следы людей — сорокатысячелетней давности. Антропологи утверждают, что коренное население Америки могло в основной своей массе прийти когда-то

только из Азии, вероятнее всего, из Юго-Восточной. Самый удобный путь из Азии в Америку проходил через Чукотку и Берингию. Следовательно, заселение Чукотки произошло раньше, чем Америки. Но когда?

На южных подступах к Чукотке, в долине реки Сусуман (Магаданская область), зимой 1944—1945 года геолог А. П. Васьковский в мерзлоте нашел деревянный клин, отесанный каменным или костяным орудием. Поразительная находка. Она вызвала даже сомнения: не работа ли это бобра? Но сучки срезаны начисто. Бобер так не делает. Вероятно, клин обработан человеком. Этот древний кусок дерева еще не исследован физиками, но, судя по его залеганию в земле, относится к более отдаленному времени, чем самые древние известные человеческие следы в Америке, — к межледниковой эпохе. Значит ли это, что Северо-Восток Азии был заселен еще в теплый межледниковый период, то есть действительно намного раньше Америки? Можно сказать, что это «вероятно» и «маловероятно». Необходимы более определенные археологические данные.

На Чукотке пока не обнаружены следы предков самых древних переселенцев в Америку. Возможно, археологам-подводникам удастся найти их на дне Берингова моря под ильстиными отложениями древней Берингии или на Алеутских и Командорских островах — осколках этой затонувшей страны. Но так или иначе, в конце последнего оледенения Чукотка или только Южная Берингия была населена людьми, часть которых распространилась отсюда в сторону Западного полушария, в Америку.

Как это ни парадоксально, но в умеренные и более южные широты Америки человек попал впервые, пожалуй, тогда, когда доступ туда был наиболее затруднен так называемым Канадским ледниковым щитом. Наиболее короткий путь с севера на юг через эту безмолвную ледяную пустыню составлял около 800 километров. Расстояние, в сопоставлении с маршрутами путешествий XX века через льды Гренландии и Антарктиды, не очень большое. Но первобытные люди не имели специального транспорта, не было у них ни собачьих упряжек, ни лыж, и они с суеверным страхом избегали это огромное Неведомое, эту ледяную страну Голода, где не было ни животных, ни птиц. Но зимой страшное ледяное чудовище сливалось с заснеженной тундрой и коварно заманивало людей. Попадались обычно охотники, увлеченные погоней за оленями и бизонами. Но иногда, сбившись с пути во время пурги, туда попадали большие группы людей вместе с женщинами и детьми. И никто не знал судьбу тех, кто не вернулся.

Только теперь удается обнаружить потомков «пропавших без вести». Сейчас это коренное население Северной и Южной Америки, предкам которого ценой невероятных усилий удалось обойти или пересечь ледяную пустыню и выйти в заледниковую южную страну с благодатным теплым климатом. Эти истинные первооткрыватели Америки расселились вплоть до Огненной Земли, выработали свою оригинальную культуру (в частности, охотники к востоку от Скалистых гор изобрели для копий единственные в своем роде, до сих пор нигде в Старом свете не известные, каменные наконечники фолсомского типа, с желобками с двух плоских сторон, как у японского штыка). Никто из них не вернулся через ледник обратно на север.

Канадский ледниковый щит сыграл в истории американского континента роль своеобразного клапана: в Америку на юг впускал, на север не выпускал. И до тех пор, пока не кончился ледниковый период, первобытные охотники Аляски и Чукотки ничего не знали о заледниковых американских племенах.

Наконец, 11 тысяч лет назад льды освободили долины и плоскогорья Чукотки, Северной Америки и Берингии. Берингия медленно погружалась в воду. Океанские волны захлестывали ее огромные пространства. Два океана — Ледовитый и Тихий — соединились, образовав Берингов пролив. Это объясняется не только движением земной коры, но и поднятием уровня мирового океана вследствие стаивания колоссальных ледниковых толщ. На другой стороне планеты оказалась под водой в это время и знаменитая Атлантида. Через некоторое время после отступления ледника, примерно с V тысячелетия до н. э. наступило заметное потепление. Вымерли мамонты и другие животные ледниковой эпохи. Неведомые нам племена заселяли в то время Чукотку. Их историю предстояло «извлечь из замерзших пластов земли» нашей экспедиции.

ПО СЛЕДАМ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

К древним становищам по Анадырю

(Из дневника 1957 года)

9 июня.

Весна пришла в Анадырь потоком солнечного света, ослепительным блистанием снега, тихими, теплыми вечерами. Снег на реке Казачке стаял, вода хлынула поверх льда. Завтра начало экспедиции. А сегодня, пока еще не поздно, я решил испытать новую резиновую лодку.

Вот позади последние дома Анадыря. Я плыву вверх по Казачке, среди льдин. Сквозь холодные бурлящие струи зеленеет ледяное дно реки. Как радостно, свежо и просторно вокруг! По еще заснеженным склонам сбегает ручьи. Озаренные закатным солнцем пламенно-алые легкие облака кажутся фантастичными. Плающее огненными красками небо отражается в реке, которая течет медленно и широко. С криками пролетают утки и тихо, совсем тихо плывут льдины. Поселок отсюда выглядит необычно красивым.

Я бросаю весла и отдаюсь очарованию этой картины.

Уж не в этом ли смысл жизни — отражать в своем сознании природу, ее красоту, мыслить, познавать и переделывать ее, творить еще более прекрасное, вдохновляясь тем, что ты человек?

Удивительное это явление — мыслящий человек. Изумительны и величественны его достижения.

Что будет в дальнейшем, если уже сейчас творческая человеческая деятельность, преобразующая мир, охватывает просторы космоса и проникает в невидимый микромир.

Когда я выбирал себе профессию, все эти вопросы об удивительной человеческой сущности, о смысле жизни волновали меня. Мне казалось, что именно археология, изучение человеческого прошлого поможет мне разобраться в них. Мне казалось тогда, а теперь я в этом просто убежден, что археология, больше чем какая-либо другая наука, способна проникнуть в глубь веков и объяснить «чудо» нашего бытия. Эта наука при глубоком философском подходе к ней способна утолить жажду к подобному рода познанию. Многие советские археологи, преодолев прежний вещеведческий подход, с помощью диалектического метода добились уже очень многого для выяснения процесса происхождения человека и некоторых закономерностей его развития. Но история неисчерпаема. Благодаря исследованиям археологов одна за другой возникли в нашем воображении забытые цивилизации и те первобытные культуры, которые им предшествовали. Однако есть еще на земле целые народы, не знающие своего прошлого даже в общих чертах. Вот хотя бы здесь, на Чукотке...

Примерно так рассуждая, плыл я по Казачке. Мне пришлось проталкиваться между льдинами, перетаскивать лодку по берегу, переходить вброд ручьи.

Возвратился я в Анадырь только под утро.

16 июня.

На другой день три собачьих упряжки мчали нас через лиман. Экспедиция состояла из пяти человек: меня, молодого лаборанта Владимира Ковехова и трех каюров — Сидора Гавриловича Соболякова, Никулина Михаила Ивановича и Григория Журавлева.

Каюры опытные и смелые. С ними мы благополучно проскочили несколько промоин и достигли северного берега лимана у так называемого Седьмого причала. Дальше будем продвигаться на автомашине, на самолете. Не теряя времени, производим археологическую разведку, и она оказывается удачной: на вершине скалистого мыса на глубине 0,5 метра находим древний культурный слой — с угольками, черепками, расколотыми костями, отщепами и маленьким каменным грузилом. Это довольно поздний памятник, к нему еще надо вернуться.

Добираемся до Марково. Улицы поселка затоплены. По ним скользят юркие каюки, солидные карбаса, трескучие моторки и даже важные лимузины. Тут и наша резиновая лодка пригодилась. Давно уже в Марково не было такого наводнения. Уровень воды достигал пяти метров.

Нарты мчат нас через лиман

Вокруг Марково много исторических мест. Десятью километрами выше по реке первооткрыватель Чукотки землепроходец Семен Дежнев поставил в 1649 году свое неукрепленное зимовье; на этом же месте Курбатом Ивановым в 1659 году был построен русский острог — Анадырский, ликвидированный в середине XVIII века. Река полностью смыла остатки острога. В 1956 году мне самому довелось осматривать это место, которое старожилы села Марково и сейчас называют «острогом». Оно находится на правой стороне острова. Берег здесь, высотой около 4 метров, густо порос кустарником. Береговой обрыв хорошо обнажен. Но признаков культурного слоя по этому обнажению не видно, хотя прежде марковчане собирали здесь различные предметы. Зато хорошо сохранился другой исторический памятник — деревянный крест, поставленный в память о майоре Павлуцком на Майоровской сопке (к югу от Марково). Ниже по течению Анадыря, в 40 километрах от Марково, уцелели развалины так называемой крепости — укрепленной ярмарки, основанной в конце XVIII века купцом Воробьевым. Она просуществовала до 1844 года, и остатки ее еще не вполне разрушены рекой. Возле крепости есть старое кладбище, из которого река ежегодно вымывает по нескольку гробов с замерзшими мертвецами.

Само Марково с его основания в 1784 году до самого 1889 года, то есть до образования Анадырской округи с цент-

ром Ново-Мариинском (ныне поселок Анадырь), было административным центром Чукотки. Здесь была чуть ли не единственная тогда на Чукотке школа, и марковчане до сих пор гордятся ее первым учителем, своим земляком, чуванским ученым-самоучкой Афанасием Ермиловичем Дьячковым, автором опубликованной в 1898 году интересной книги «Описание Анадырского края».

18 июня.

В воскресенье в 9 часов 30 минут вечера речным караваном отправились в село Ваеги, чтобы оттуда спуститься с разведкой в резиновой лодке вниз по Майну до Мамонтова обрыва.

Едем на самоходной барже вместе с якутскими лошадьми, которых привезли для геологической экспедиции на самолете.

Расстояние от Марково до Ваег «еще не измерено», как сказал мне известный по Анадырю мичман Сосюра. Некоторые говорят, что триста с лишним километров. Едем уже вторые сутки. Вода в Майне поднялась очень высоко: пристать некуда, вся почва под водой, торчат только верхушки кустов. Но скоро берег начал выступать над водой, появились даже настоящие обрывы.

Примерно в три часа дня прошли мимо Двенадцати Братьев — отвесных обрывов из красного песка и глины. Река делала в этом месте крутой поворот, и нас изрядно покачало на перекате. В 11 часов вечера прошли Первую Сыпучую гору, тоже в виде крутых суглинистых «щек» — обрывов. На противоположной, левой, стороне реки — берег низкий. Переплыли реку два диких оленя и скрылись в кустах.

Дальше по левому берегу 15-метровые голые террасы серого суглинка, все с обнажениями, удобные для древних стойбищ. По правому берегу — лесистые холмы.

Вторую Сыпучую гору видел очень рано утром. На барже все спали. Было очень тихо. С правой стороны надвигалась мрачная круча глинистого обрыва, вся в кровавых отсветах восходящего солнца. И вдруг гнетущее мертвое безмолвие прервалось. С кручи сорвались подтаявшие глыбы песка и глины и с шумом упали в воду. С шуршанием осыпался огромный карниз. Потом опять настороженная тишина и неподвижная гладь зеркального плеса под бесконечно длинным жутким обрывом... Только к 6 часам вечера добрались мы до Ваег.

Этот поселок расположен среди высоких деревьев. Он заметно благоустраивается. Есть большая школа, больница, строится клуб, много новых стандартных домиков.

27 июня.

В Ваегах мы пробыли только один вечер. Подклеив свою лодку, тепло простившись со словоохотливым стариком Максимовским, который был проводником Н. А. Граве в 1954 году, мы стали спускаться вниз по Майну, пройдя 70 километров с 10 утра до 11 часов вечера.

Исследованный еще Н. А. Граве Мамонтов обрыв оказался в двух-трех километрах ниже Второй Сыпучей горы, по левому берегу. Осмотр его напластований убедил меня в том, что он не содержит следов человеческой деятельности. В мерзлоте обнажения нашли бедренную кость мамонта, в осыпи — его берцовую кость. Взяли образец торфа и кусок бивня. А. Т. Реут оказалась не права (имею в виду ее устное сообщение), прав Н. А. Граве: торф действительно толст — до 4 метров.

На следующий день мы с караваном тов. Кондранина вернулись в Марково.

2 июля.

От Марково вниз по Анадырю, собственно, и начинаются наши увлекательные поиски. Наша задача — найти как можно больше следов древних обитателей Анадырской долины. А мне нужно разгадать секрет, с помощью которого можно безошибочно находить эти следы на непривычных для меня берегах.

Известно, что чукчи пришли сюда сравнительно поздно, только после первых русских землепроходцев, с XVII и главным образом с XVIII веков. Само название реки Анадырь совсем не чукотское, а скорее юкагирское (Онун — река по-юкагирски, «Онандырь» — так называлась река в XVII веке, и жили тогда по реке «анаулы» — поречане — юкагирское племя). Наша разведка в 1956 году возле Усть-Белой, где однажды Александр Вулькин нашел обсидиановые наконечники стрел, доказала обитаемость этого края еще до нашей эры. Экспедиции предстояло разгадать трудную и воиную загадку: какой народ жил на берегах Анадыря в столь отдаленном прошлом, какая у него была культура? Вероятно, это были охотники. Они охотились на северных диких оленей, возможно, так же, как до конца XIX века охотились на Чукотке юкагиры и чукчи: облавами на осенних и весенних переправах оленей через Анадырь. Приняв такую рабочую гипотезу, я решил тщательно осмотреть все места сезонных оленьих переправ по Анадырю, как наиболее перспективные для археологических поисков.

Вечером мы двинулись всем отрядом на моторной лодке вниз по Анадырю. Четыре человека — моторист Юлий Чекмарев, Во-

лодя Ковехов, Виктор Бузаев и я были связаны единой целью в один сплоченный коллектив. Была белая ночь, и можно было хорошо ориентироваться на реке. Но низкие затопленные берега оказались здесь неинтересными в археологическом отношении.

К 9 часам утра достигли рыбалки Вакерной, где рассчитывали найти древнюю стоянку, упомянутую в известной книге А. Е. Дьячкова, который писал: «Здесь в древности было жилое место, но теперь и следов не осталось, потому, что берег размыло водою». Мы убедились, что река действительно безжалостно размывала это место. Но там мы познакомились со старым чуванцем Иваном Гавриловичем Соболюковым, проживающим в Вакарево с 1910 года, с его женой Ксенией Михайловной и с семейством чуванца Верещагина — этими стойкими, замечательными людьми. Иван Гаврилович, истинный патриарх этого рыбацкого, отрезанного от большого мира крохотного поселочка, был хранителем всех местных преданий. Он подтвердил свидетельство Дьячкова о том, что раньше здесь были следы древнего поселения, и сказал, что в отлив и сейчас можно найти каменные топоры, наконечники стрел и обломки разрисованной посуды.

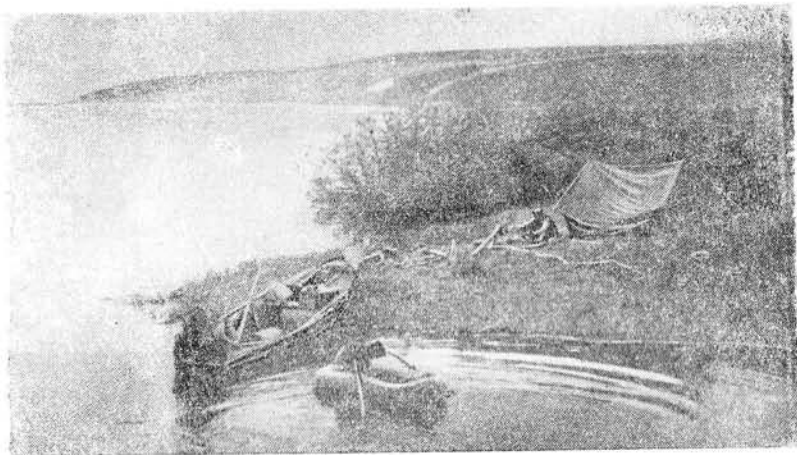
Мне удалось найти над урезом воды только каменную провертку, осколок шлифованного изделия. Самые же интересные древние остатки были под водой.

На прощанье Иван Гаврилович поведал мне, что другое размываемое рекой древнее местообитание людей находится на левом берегу Майна, в 8 километрах от рыбалки, но оно тоже недоступно, пока вода не спадет. Ждать мы не могли.

Иван Гаврилович Соболюков.

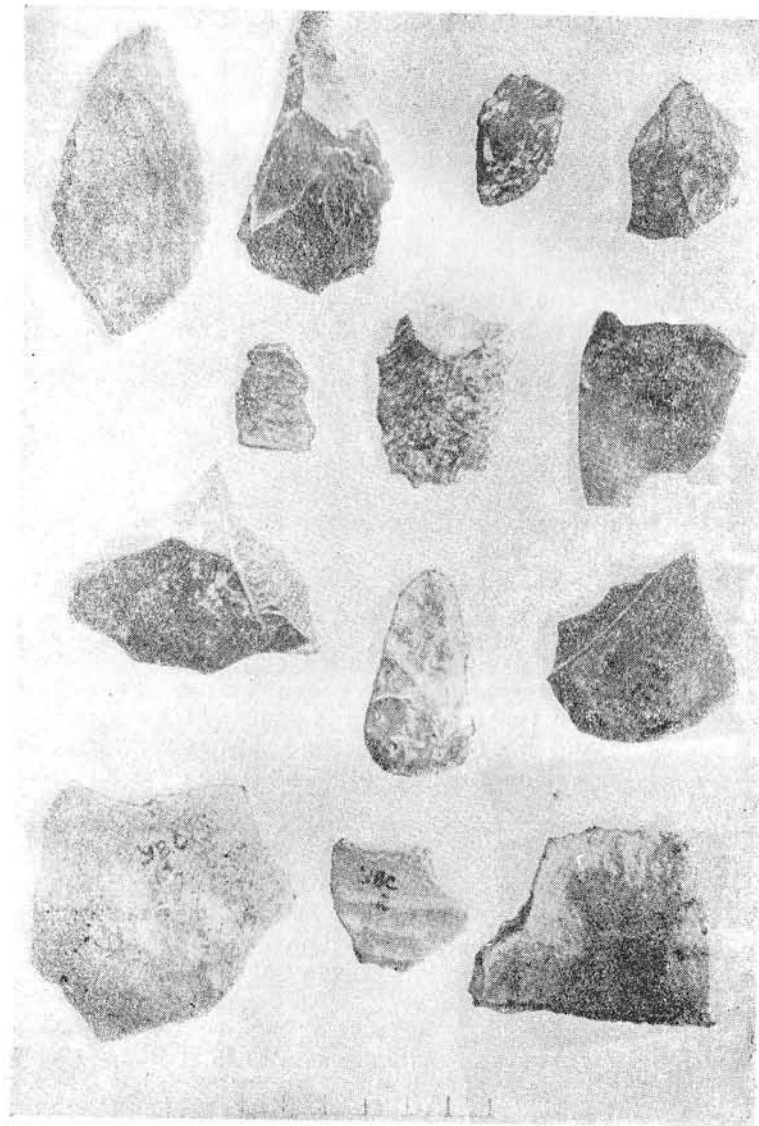
Лагерь возле Усть-Майна.

Тепло напутствуемые всеми обитателями рыбалки, под многоголосый собачий лай отправились мы дальше вниз по Майну.

Впереди — неизвестность. Что мы найдем? Где искать? Надо было постоянно следить за берегами и на ходу, сидя в лодке, оценивать их пригодность для археологических поисков. Низкие, полузатопленные берега надвигались и уходили. Они ничем не обнаруживали желаний выдать тайны минувших веков. Вдруг наш мотор сдал, пришлось идти на веслах. Стал накрапывать дождь. Мы налегли на весла. Постепенно берега стали обрывистыми, справа показался мыс, распадок с крестами на холме, ручей. Место довольно интересное. Сомнений быть не могло: здесь и археологу есть чем заняться. Мы разбили лагерь.

На следующее утро я отправился на разведку. Тщательно осмотрел крутой обнаженный склон 11-метрового берегового обрыва. Ничего. Затем, продираясь сквозь густую поросль кедрача и несметные полчища комаров, пошел поверху. Ничего. Неужели здесь нет никаких следов древнего местообитания? Ведь место очень удобное для стоянки. Достаточно высокое, и рядом ручей. А кругом открывается широкая панорама на долины Майна и Анадыря. Отсюда хорошо следить за перекочевками оленьих стад.

Не хотелось уходить, ничего не обнаружив. Я стал медленно спускаться по суглинистой осыпи склона, и мне бросился в

Отщепы, черепки, каменные ножи и скребки, найденные возле древних костров в Усть-Майне.

глаза осколок серого камня с определенными признаками искусственной оббивки.

После самого тщательного осмотра верхней части обнажения мы обнаружили и культурный слой. Он был отмечен рыжей прослойкой подпочажной земли и хорошо прослеживался на глубине 30—50 сантиметров от верха обрыва, в желтой супеси, под слоистыми суглинками с галькой; в самом низу обрыв был сложен галечником.

Но какого неимоверного труда стоили нам эти раскопки! В жаркой схватке с цепкими корнями деревьев, истекая кровью от комариных укусов, Владимир и Виктор самоотверженно, дециметр за дециметром, вскрывали ножом и лопатой и просматривали пласт древней земли, извлекая оттуда все новые и новые подтверждения того, что на этом месте в далеком прошлом была охотничья стоянка. Были найдены даже остатки костров и возле них особенно много разбитой глиняной посуды, отщепов серого кремнистого сланца и расколотых галек. Извлекли и несколько настоящих орудий: так называемый концевой скребок на черном отщепе, нож из белого кремня и др. Попадались и расколотые оленьи кости.

Приятно было сознавать, что догадка моя подтвердилась. Теперь и в других местах оленьих переправ с уверенностью можно искать следы древних стоянок.

Ночь с 29 на 30 июня провели в Усть-Майне, 30 июня до обеда докапывали стоянку, осмотрели старое христианское кладбище на холме (кресты там были украшены резными деревянными птичками) и в 6 часов вечера опять двинулись на веслах дальше вниз. Ночевали километрах в сорока ниже Усть-Майна.

3 июля.

На песчаных наносных берегах вплоть до поселка Снежное не попалось никаких следов древних людей. Зато у поселка, где характер берегов резко меняется — к реке выходят отроги Усть-Бельских гор. — нам встретились еще более обильные остатки древнего человеческого заселения.

На огородах поселка, у края береговой 6—8-метровой террасы нашли несколько обсидиановых отщепов и ножевидных пластинок. Здесь же оказался и культурный слой, правда, неглубокий. Копали его в трех местах по краю обрыва. Нам усердно помогало местное население, особенно ребяташки. Пока мы раскапывали стоянку, они собирали древние каменные вещи на берегу, у самой воды, куда те попали из размытого берегового

обрыва. Боря Степанов принес мне огромный обсидиановый нуклеус, а чукотский паренек Ваня притащил из своей яранги халцедоновое скребло.

12 июля.

Через два дня наша лодка подходила к Усть-Белой. Еще издали мы увидели на вершине высокой Усть-Бельской сопки едва заметную точку — это была палатка пионеров средней школы поселка Комбинат. По поручению музея, под руководством своего преподавателя А. Ходиной они собирали на сопках различные древние вещи — так называемый подъемный материал. Встреча с ребятами была радостной. Юным краоведам удалось найти много любопытных поделок из обсидиана и цветного кремня. Здесь, как и в Снежном, преобладали длинные ножевидные пластины из этого материала и призматические заготовки (нуклеусы), с которых они скальвались. Ничего подобного не было в Усть-Майне и Вакерной. Следовательно, мы вступили в область другой древней культуры, с принципиально иной техникой обработки камня.

Усть-Бельская сопка оказалась необычайно интересной и в другом отношении. Еще в прошлом году нами здесь было обнаружено десятка полтора невысоких каменных курганов. Теперь мы занялись их раскопками, надеясь найти под ними древние погребения. И что же? Никаких признаков, ни одной человеческой кости. Зато зола и угольки, а между камнями осколки очень древней глиняной посуды, обсидиановые наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки и нуклеусы, а в двух курганах — медвежьи клыки. Это действительно погребения, но покойников сжигали. Таким образом, мы столкнулись с совершенно необычным для нынешних народностей Чукотки погребальным обрядом. И не могло быть никакого сомнения, что эти курганные могильники принадлежали обитателям тех древних стойбищ, которые были нами уже обнаружены возле оленьих переправ в Снежном и в нескольких местах возле Усть-Белой.

В Усть-Белой мы работали почти две недели. Наши палатки стояли внизу, в поселке, у самой реки. Каждое утро основная и единственная рабочая сила экспедиции — Виктор и Владимир (так как Юлий Чекмарев заболел гриппом) самоотверженно поднимались со мной на вершину сопки и возвращались оттуда вечером, до крови искусанные комарами.

Комары появились в районе Марково 20 июня, мошка — 1 июля. Никакие дымокурные спасают. Все страдаем от укусов, хотя и шили сбегающих комаров и полог.

15 июля.

Снова затрещала наша моторка «Бегущая по волнам», снова мы движемся вдоль берегов Анадыря. Теперь древние стойбища, такие же, как в Усть-Белой, попадаются часто. Мы нашли их на горе Увеснования и на других отдельных возвышенностях — на Камешках, на Первой и Второй Вилках. Третью Вилку мы не осмотрели, так как пошли левой протокой. Мы не успели еще выйти из этой тихой протоки, где, кстати сказать, подстрелили несколько гусей, как задул сильный ветер и начал хлестать дождь. Тем не менее мы дошли до намеченной ранее стоянки возле Утесиков. Промокшие до нитки, выбрали мы удобное место, разбили палатку, разожгли костер и стали сушиться. Ребята залезли в палатку, а я, надев два плаща, пошел осматривать окрестности, но мне не удалось обнаружить никаких признаков древних стойбищ.

На другой день я отправился в более дальнюю разведку, пересек возвышенность Утесиков с тыльной, пологой стороны, там, где она постепенно сливается с низменной тундрой. Вышел к крайней точке Утесиков и стал возвращаться по обрыву вдоль берега. Обратный путь казался мне бесконечным. Да это и понятно: ведь я пересек возвышенность по прямой, а береговой обрыв имел форму дуги, обращенной к реке.

Я искал место, более или менее удобное для охотников и рыболовов в прошлом. Таким местом мог оказаться какой-нибудь мысовидный уступ при впадении в реку ручья. И такое место нашлось. Оно бросилось в глаза еще издали: уютный мысок, не такой заросший, как весь остальной обрыв, и ручей. Уже на поверхности мое внимание привлек большой осколок черного кремнистого сланца, затем другой, третий. Да это целая мастерская, как в Усть-Майне! Вечером мы копали вчетвером и нашли остаток утасшего много веков назад костра. Теперь мы были уверены в этом, так как нашли там каменный нож, точно такой же, какие нам известны для неолита Центральной Чукотки из находок на берегу озера Эльгыгытгын.

И опять мы движемся дальше по реке, провожая глазами мысок, порадовавший нас хорошими находками. Теперь мы имеем ключ к поискам древних стоянок по реке Анадырь. Их можно было безошибочно находить вблизи оленьих переправ, руководствуясь особенностями местности.

18 июля.

Утесики остались позади, лодка вошла в протоку Анока-траы.

На рыбалке в Утесиках старик чукча объяснил нам, как можно пройти к высокой одиночной горе, на вершине которой озеро. Но протока не привела нас к горе, которая просто издевалась над нами. Ее высокий усеченный конус виднелся то впереди, то сбоку, то позади. Так повторялось несколько раз. Опять отказал мотор, и на этот раз окончательно. Нет, путешествие на веслах более надежно. Мы это доказали, пройдя за день на веслах почти 100 километров.

Уже глубокой ночью решили устроить себе передышку, устроившись в заброшенной охотничьей землянке. Берег здесь был выше, чем в других местах на протоке, да и речка впадала тут же, с правой стороны. Я рассчитывал, что остановка в этом месте может оказаться безрезультатной и в археологическом отношении.

Утро подтвердило мои предположения. На бечевнике среди гальки мы собрали немало трубых отщепов и даже настоящих изделий из обсидиана. Облик их был несколько иной, чем у найденных раньше.

К вечеру нагруженная коллекциями лодка вышла, наконец, из протоки на Анадырь. Река заслуживала названия Великой. Ее ширь бороздили совсем не речные волны, на песчаный берег обрушивался прибой. Нам с трудом удалось пристать к Чикаевскому утесу.

Пока все были заняты установкой лагеря, я обнаружил дальше по берегу человеческое жилье — рыбалку из трех-четырёх яранг, а на бечевнике верные признаки и более древних поселений. Наверху, в обнажении берегового обрыва, я увидел бесспорный признак древнейшего культурного слоя — обсидиановую ножевидную пластинку в пласте желтого суглинка, значительно глубже дерновой растительности. Мы тотчас заложили небольшой разведывательный раскоп и извлекли немало различных поделок из кремня и обсидиана и в числе их резец уже известной нам формы, такой же, как и резцы монгольского неолита и неолита Аляски. Такая находка позволит с еще большей определенностью судить о происхождении древнего населения Чукотки и Аляски и о его связях с югом.

21 июля.

Мы тащили нашу лодку бечевой вверх по реке Танюеру до самого поселка. В Танюере пришлось задержаться на несколько дней, чтобы оборудовать моторный вельбот. Здесь же мы расстались с Ковеховым и Бузаевым, которые вернулись в Анадырь к началу школьных занятий.

22 июля.

Июль на исходе, надо торопиться. Из Танюера вышли в семь часов вечера, как только наша маленькая флотилия — вельбот и лодка «Бегущая» — была готова к отплытию. Вышли в дождь, при сильном ветре, попали в шестибалльный шторм. Благополучно вошли в спокойную верхнюю протоку Красного озера, а затем и на озеро, но там волна была еще свирепее.

Вельбот вел нашу «Бегущую по волнам» на длинном буксире. Юлий Чекмарев и новый моторист Темноходенко на ходу исправляли мотор в вельботе, а я стоял на рулевом весле на корме «Бегущей», удерживая лодку против волны. В борьбе с разъяренной стихией прошло восемь часов. Казалось, жизнь висит на волоске, но от полноты чувств захватывало дух. Луна освещала бушующее, как море, озеро, слишком медленно приближался далекий берег.

Наконец мы подтягиваем лодку и вельбот к пологому западному берегу, заваленному плавником. Я, перепрыгивая через выброшенные на берег огромные деревья, тороплюсь осмотреть 4—6-метровый скалистый обрыв. Сверху тонкий слой красноватого суглинка с гравием, под ним — грубые крупно-обломочные конгломераты. К сожалению, они не внушают надежды найти что-либо археологическое. Ужинаем и спим как убитые, а с утра опять плывем вдоль берегов озера. Буря за ночь улеглась, мы спокойно достигаем устья реки Ламутской и поднимаемся по ней вверх до места стоявшего здесь некогда поселка Ламутское-Красенное. Там только бугры от изб, все заросло травой. Более древнего ничего нет, и мы бежим от невыносимого гнуса.

23 июля.

Ночью пересекли спящее, подернутое туманом озеро в южном направлении. Уже восходило солнце, когда мы обосновались на Медвеьем мысе среди остатков прошлогоднего лагеря геологов.

Утром вставать не хочется. Вытаскиваем Юлию Чекмареву за ноги из полога, пьем чай, грузим лодки и вдоль берега плывем дальше.

Почти всюду берег обрывистый, высотой до 8 метров, поросший наверху кустарником. Обрывы либо каменисты, либо из глины или суглинка. Под ними крупногалечный бечевник, причем галька очень крупная, угловатая. Берега выглядят молодод, вода еще не окатала гальку. Недалеко от нашей стоянки крутой берег расчленен на несколько бухточек. Мне они пока-

зались малоперспективными в археологическом отношении. Зато, начиная с Белого мыса, галечник пошел тоньше, и на бечевнике стало попадаться множество обсидиановых галек, и среди них ни одной расколотой. Это были колоссальные запасы производственного сырья для людей каменного века, из которого они изготовляли уже хорошо известные нам по предыдущим находкам обсидиановые изделия.

День был в разгаре, когда мы вышли из озера. Здесь на галечниковой косе высотой 3—4 метра при устье протоки нас ждала богатейшая россыпь обсидиановых орудий и отходов производства. Это были следы долгого пребывания на этом месте людей в эпоху неолита, сохранившиеся на огромной площади. Никогда еще на Чукотке не встречалось таких больших скоплений древних каменных изделий. Их можно было собирать прямо ведрами.

При выходе из озера я заметил две косы, соблазнительные в археологическом смысле. На них оказались остатки поселений или мастерских каменного века. Следы культуры на всех этих косах резко отличались от древней неолитической культуры среднего Анадыря (Усть-Белой) как по характеру изделий, так и по местоположению стоянок. Это были остатки стоянок древних рыбаков, живущих оседло.

24 июля.

Спускаясь далее вниз по Анадырю, мы обнаружили на косах еще несколько древних рыбацких поселков — как раз там, где сейчас колхозные рыбалки.

На одной из этих кос, километрах в шести вниз по течению от Красного озера, девушка-чукчанка Рэнтываль из колхоза «Победа» подарила мне обсидиановый скребок — «вэпойгын». Этим каменным, по своему виду совсем первобытным овальным скребком, сделанным из массивного скола с гальки, она обрабатывала шкуры и утверждала, что сделала его собственноручно, при помощи железного топора. Уже потом мне удалось установить, что топором она только подправила его широкий рабочий край. Подобные каменные скребки на Чукотке еще довольно широко распространены у чукчей-оленьеводов. Их даже предпочитают железным, которые часто портят шкуру.

По мере нашего движения вниз по реке находок на косах становилось все меньше, и наконец они совсем исчезли.

Зато недалеко от устья речки Синовой, впадающей в Анадырь, встала на нашем пути чрезвычайно интересная одинокая сопочка с характерной трехгорбой вершиной.

Самый беглый осмотр одной из седловинок убедил меня в том, что это многообещающий памятник. Здесь оказался культурный слой, превосходящий по своей насыщенности все, что нам до сих пор пришлось видеть. Два квадратных метра разведывательного раскопа дали сотни и сотни отщепов и... ни одного орудия! Следовательно, это остатки мастерской каменного века.

Чтобы уточнить дату этого памятника, необходимо в дальнейшем продолжить раскопки.

26 июля.

Весь остальной путь по Анадырю от трехгорбой сопки до устья был пройден за один переход. Остались непросмотренными отропы Рарыткинского хребта и устья двух речек справа. У нас было мало времени. Да и шторм на реке мешал пристать к берегу. На Американской кошке застряли надолго: начался сильный шторм. А к 29 июля надо быть в Анадыре. Такой договор с колхозом.

28 июля.

Вчера в 6 часов вечера отошли от Американской кошки. На противоположной косе обнаружили несколько ям от землянок 5×6 м, глубиной до 0,6—0,8 м.

Пристали к Кедровой кошке. Нашли там только один обсидиановый отщеп.

29 июля.

Погода не благоприятствовала дальнейшему продвижению, но мы решили испытать судьбу. Я опять стоял на кормовом весле «Бегущей». Ныла спина, болели ноги. Лодку захлестывало. Моих мотористов тоже измотало в вельботе. Пришлось часа через два пристать к берегу.

30 июля.

Погода чудесная: ветерок, свежо, небо чистое, комары не докучают. В 6 часов утра, когда все еще спали, вылез из палатки, обошел все окрестности: наверху и по берегу. На самой косе обнаружил большую округлую яму наподобие землянки. Она густо поросла ольховником. Судя по тому, что у него «6 суставов», то есть сучков, ему уже 60 лет (через десять лет — сустав, если верить моему мотористу Темноходенко). Землянка окружена галечниковым валом. До дна тонкий слой из дерна и щепы, и больше ничего.

Вечером с полным приливом пошли дальше, теперь уже прямо к Анадырю. Вскоре перед нами открылась величественная панорама нашего Анадыря, Комбината, Угольных Копей и Второй Базы — целого созвездия поселков в долине лимана.

Мы сделали короткую остановку на Второй Базе, а затем с трепетным волнением двинулись дальше. Вот справа прошли живописные скалы и между ними — три крошечные бухточки. Это знаменитые Анадырские рыбалки. Рыбаки, забыв о своих ставных сетках и удочках, с любопытством рассматривали нашу флотилию. За каждым выступом скалистого берега открывается по-новому неожиданная картина, непривычная даже для анадырца, если он впервые смотрит на все три поселка с этой стороны.

Эта великолепная, сияющая огнями широкая панорама, освещенная вечерним заревом, напоминает большой приморский город.

Попутно я отметил, что непременно надо осмотреть совсем лысые сопки чуть западнее Второй Базы. Там, судя по их местоположению, непременно должны быть древние стойбища.

Наконец «Бегущая по волнам» и вельбот пристали к одному из причалов поселка Анадырь.

Так был завершен первый этап экспедиции.

Разведка по Амгуэме

Второй этап экспедиции 1957 года проходил в исследованиях берегов большой чукотской реки Амгуэмы. Ее широкая долина изобилует прекрасными пастбищами. Это излюбленное место кочевков оленных чукчей. Здесь и в древности, безусловно, был самый важный очаг расселения их предков.

Скомплектовав себе отряд из учителя и четырех старшеклассников Эгвекинотской средней школы, я прошел долину Амгуэмы двумя параллельными маршрутами: на автомашине по трассе от Эгвекинота до Иультина и на лодке вниз от 87-го до 170-го километра дороги.

15 августа.

Первый день оказался совсем неудачным. На голых перевалах суровых хребтов, откуда берут начало правые притоки Амгуэмы, нам попало только два отщепов.

«Что мы найдем и найдем ли что-нибудь вообще?» — думал я, окидывая взглядом просторную панораму Амгуэмы, когда

машина наша выбралась из гор к реке. Характер местности здесь резко отличался от всего того, что было привычным на реке Анадырь. Обычных высоких береговых террас здесь не было. Берега Амгуэмы низкие, и это затруднит разведку. На низких берегах археологические поиски бесполезны, потому что сравнительно недавно они были ложем реки. На таких берегах археологам интересно будет работать, может быть, только через несколько тысяч лет.

На следующий день мы встали рано и поехали на своей машине вдоль правого берега реки, дальше на север. Еще издали мое внимание привлек одиночный бугор возле озера. Его плоская вершина была удобной для разбивки стойбища: место высокое, сухое, обдувается ветерком, в озере и в протоках рыба.

Сразу же нашли несколько обсидиановых отщепов. Ребята увлеклись, да и учитель Степан Митрофанович Коноплев не меньше. Чуть ли не ползком стали осматривать суглинистую и мелкощебнистую поверхность бугра. И наконец нашли то, что искали, — самый бесспорный признак глубокой древности этого заброшенного стойбища: маленький огранный кусочек бурого кремня — типично неолитический призматический нуклеус (заготовка для отщепления тонких пластинок). Вскоре попались и маленькие ножевидные пластинки — сколы с подобных нуклеусов. Одна из них — халцедоновая, наиболее крупная — была тщательно обработана по краям, настоящий нож. Нашли и два обломанных, тщательно ретушированных с обеих

Увлеклись поисками следов каменного века.

сторон наконечника стрел. Сомнения не оставалось: было открыто стойбище, очень древнее (двух-трехтысячелетней давности), охотничье и вместе с тем рыбацье — первое в долине реки Амгуэмы. Теперь мы знали, где вести поиски дальше. Таких бугров по долине впереди виднелось немало.

Пройдя на машине за этот день остальной путь до Иультина, нашли еще пять бесспорно древних стоянок (на 129-, 143-, 145-, 153- и 160-м километрах дороги). Часть из них была на выступях берега, который стал выше.

17 августа.

На обратном пути на щебнистых буграх возле 195-го километра нашли только один каменный скребок.

Оставив наших ребят на 102-м километре собирать подъемный материал, со Степаном Митрофановичем поехали до 87-го километра, откуда через несколько дней должны спуститься вниз по Амгуэме на резиновой лодке, чтобы разведать ее левый берег до 102-го километра.

19 августа.

Непредвиденные дела и прежде всего поиски второй лодки задержали нас. Наконец житель Амгуэмы П. И. Рудич согласился включиться в нашу экспедицию вместе со своей маленькой деревянной лодочкой. Он присоединится к нам через несколько дней.

На 102-й километр иду пешком проводить товарищей. День чудесный. Солнце. Прохладный ветерок. И ни одного комара.

Золотисто-желтые осенние пастбища долины Амгуэмы восхитительны в обрамлении горных хребтов, далеких и близких, сиреневых и иссиня-ультрамариновых.

Вправо от дороги, в глубоких чашевидных впадинах высокого берега Амгуэмы, — небольшие озера. Возле них бугры из суглинка серовато-желтого цвета вперемешку с мелкой грубокатанной галькой. Именно на подобных буграх встречаются здесь следы неолита.

Один такой бугор в 200 метрах вправо от дороги за мостиком (первым за большим мостом через правый приток Амгуэмы) привлек мое внимание. В карьере на его юго-западной стороне на выдувах песка блеснул обсидиановый отщеп.

22 августа.

Вчера с С. М. Коноплевым спустились на резиновой лодке до скалистого мыса на левом берегу Амгуэмы, напротив 102-го

километра. Я пошел на разведку к озерам. Озер множество. Берега у них местами низкие, местами — в виде бугров и высоких террас.

Примерно в 4 километрах к западу от мыса на Амгуэме, куда мы пристали, протекает быстрая речка. Перейти ее вброд мне не удалось. Но мысовидный бугор на другой стороне очень соблазнителен. Разведка же речного мыса и озерных бугров дала совершенно определенные находки неолитического характера: много отщепов из цветного кремня и два обсидиановых, осколок кремневого ретушированного орудия с широким рабочим краем.

Раскопав земляной бугор-курганчик (диаметром 4 м), находящийся на мысу, обнаружили под ним линзу мерзлоты с угольками, а в основании земляной насыпи на глубине 40 сантиметров — большой отщеп из желтого кремня.

Вчера вечером с Коноплевым закончили свой маршрут у 102-го километра. Остается перебазировать ребят к исследованному сегодня мысу на левом берегу Амгуэмы.

24 августа.

Пребазировали наш отряд на левый берег Амгуэмы.

Утром пошли на разведку в сторону притока.

На бугре, возле островежной сопки, раскопали каменную продолговатую кладку длиной 2,5 метра. Обнаружили под ней ряд из пяти пар оленьих рогов. Среди них два массивных отщепов из черного кремнистого сланца и несколько угольков. Глубже был «материк» без признаков могильной ямы.

Затем мы вдвоем с Женей Чекменевым переправились на другую сторону безымянного притока и на давно уже заинтересовавшем меня бугре высотой около 12 метров обнаружили следы неолитической мастерской: наконечники стрел с вогнутым основанием, кремневый нож, наконечники стрел с ромбическим сечением и многие другие остатки каменной индустрии. Там же оказалась сложная, вероятно, ритуальная кладка, которую мы непременно должны раскопать.

25 августа.

В тот вечер мы с Женей спустились на резиновой лодке по притоку к нашему мысу. Местами шли пешком. На приречных и приозерных буграх нам попадались отдельные отщепы.

На другой день мы опять всем отрядом собирали подъемный материал на бугре у притока и расчистили обнаруженную накануне кладку.

Собственно, здесь оказалось три кладки: одна большая, длиной до 5 метров, и две короче. Под ними оленьи рога, расположенные «в слочку».

К 6 часам вернулись в лагерь.

Перед отплытием я обратил внимание на группу врытых в землю камней, в 15 метрах от края мыса.

Быстро раскопали всю площадку с этими камнями. Попались черепки тонкой глиняной посуды с оттисками штампа и, вероятно, ткани, маленький обсидиановый наконечник стрелы полукруглого сечения, скребки и отщепы. Сначала я думал, что это могила, но могильной ямы не оказалось. Это был просто участок неолитического поселения.

В 9 часов вечера отплыли и через час остановились на ночлег против 115-го километра на мысовидной возвышенности, покрытой кочками. Обнаружили здесь на песчаных выдувах большие отщепы зеленого кремня и плиточные осколки синего сланца.

Двигаясь дальше вниз по Амгуэме, обнаружили в первой половине дня два пункта с археологическими следами — оба примерно напротив 120-го километра трассы, на левом берегу, в том месте, где река течет одним руслом.

Первый пункт на высокой седловине между двумя озерами — там отщепы. Второй — ниже, на буграх с канавами, — там обломок обсидианового наконечника стрелы, кремневый нож, скребки и отщепы.

27 августа.

Утром пошел снег. Снежинки крутил сильный ветер, но на земле они таяли. Постепенно горы, сопки и бугры стали белыми.

Мне предстояло решить, отпустить ли ребят, что делать с лодочником П. И. Рудичем, у которого истек срок работы в нашей экспедиции, да и продуктов у нас уже не было.

С лодочником удалось договориться. Он оставил нам лодку, а сам уехал домой. Я съездил на 87-й и 91-й километры за продуктами.

На 87-м километре я встретился с механиком Алексеевым, который рассказал мне о двух находках мамонтов: на правом берегу Амгуэмы, в линзе мерзлоты берегового обрыва, напротив Селаевской командировки (168-й км) и в 22 километрах от Иультина, по тракторному пути.

Хребет и кость ноги мамонта выступают там в низине распадка из болота. Алексеев сам видел бивни, извлеченные Се-

Следопыт Женя Чекменев.

лаевым возле 168-го километра, уже на левом берегу Амгуэмы, между домиком и озерцом, куда их перенес Селаев. По словам Алексева, они были очень старые и расслаивались.

28 августа.

Вчерашний день был довольно удачен. Он дал нам три пункта древних находок:

1) на левом берегу Амгуэмы возле 148-го километра, на бугристом мысе с мелкощебнистой поверхностью — отщепы из светло-желтого кремнистого сланца;

2) на правом берегу Амгуэмы, в том месте, где дорога вплотную подходит к реке, на краю высокой бугристой террасы — ножевидная пластинка, скребок и отщепы;

3) при впадении в Амгуэму реки Экитыки, на щебнистой плоской вершине — много отщепов, обсидиановых ножевид-

ных пластинок и даже одно нуклеидное орудие.

Утром поднялся сильный встречный ветер. Пришлось отсиживать часа два на голом галечниковом осередыше. Ребята так и рвались вперед, особенно Адик Скидан, и благодаря энтузиазму всего коллектива мы благополучно дошли до паромом, несмотря на свирепый ветер, особенно в «трубе» перед паромом, где к тому же был и перекат.

Трое ребят уехали домой в Эгвекинот на попутной машине. Сам же я с Борисом Томским добирался до Эгвекинота еще два дня.

По Анадырю и Майну в 1958 году

6 августа.

Приступили к полевым работам. Обнаружили бивень мамонта на галечниковой отмели южного берега лимана в нескольких километрах от Анадыря, не доходя 300 метров до Второй Базы и протекающего ручья, у двухметрового берегового обрыва. Бивень был замыт прибором, из гальки торчал только его кончик.

Сегодня наша «Бегущая по волнам» перевезла к Комбинату часть экспедиционного груза и всех сотрудников нашей экспедиции. Всего со мной сейчас шесть человек: два аспиранта Сибирского отделения Академии наук СССР Борис Юдин и Владимир Иванович Телегин, моторист Павлик Поляков и маршрутные рабочие — Миша Паленых, Егор Кергинто и Леша Рутьчэйвын. Коллектив небольшой, но очень дружный и подготовленный к трудностям предстоящего маршрута. Это основное ядро экспедиции, к которому по ходу работы будут привлекаться местные рабочие-землекопы.

От Комбината начнется наше движение к реке Анадырь.

Арендовали у Д. Н. Башмакова, механика плавбазы Комбината, крытую моторную железную лодку — «Синюю птицу», или «Голубой гроб», как переименовали мы ее вскоре за неуклюжесть и за то, что крытое пассажирское помещение во время движения лодки наполнялось отработанными газами и бензиновыми парами и превращалось в настоящую душегубку.

В ожидании речного каравана, вместе с которым нам предстоит двинуться к месту работ вблизи Танюрера, произвели раскопки на мысе у Седьмого причала, где еще в 1957 году я заметил культурный слой. Нашли остатки шести человеческих черепов и осколки толстой глиняной посуды с так называемыми «ушками» для подвешивания. Наличие в культурном слое такой посуды позволяет довольно точно датировать весь памятник поздним этапом развития приморской культуры морских охотников. Его время целиком в пределах второго тысячелетия нашей эры.

8 августа.

На грузовом теплоходе «Обь» наша экспедиция в полном составе с двумя лодками на буксире отправилась в сторону реки Танюрер. Через два дня наши палатки стояли уже под Чикаевской скалой, против устья этой реки.

18 августа.

За 10 дней работы на Чикаевской неолитической стоянке собрано три ящика коллекций, в числе которых и каменные резцы, и топоры, и пуклеусы (призматические заготовки для скалывания пластин), и керамика. Раскопано более 120 квадратных метров и намечен раскоп еще на 200 квадратных метрах. Все полнее раскрывается картина древней стоянки. Обнаружены следы уже более десяти костров. Поражает почти полное отсутствие костей животных. Неужели все сгнило?

20 августа.

Идем на двух лодках вверх по Анадырю. Курс на Усть-Белую.

Вечером съездил вместе с Егором и ламутом Алексеем Ивановичем к И. А. Калиновскому, который живет со старухой на рыбалке в 6 километрах вниз от нашей Чикаевской стоянки. Старик немного знает русский язык, но предпочитал говорить через переводчика Егора. Рассказал, что раньше в ямах-землянках на Чикаевском мысе жили русские казаки. Показал, что у них были на плечах погоны — начальники!

А потом они ушли в Марково, и в их землянках поселились чукчи. Били оленей при переправе через Анадырь, били с каюков копьями. Только сорок лет назад перестали бить: оленя не стало. Было у русских кладбище. Хоронили там, где крест сейчас сохранился, — на горе.

Мы рассказали Калиновскому о своих находках. Я спросил, доволен ли он жизнью.

— Все есть, хорошо, — ответил старик.

Зимой он со старухой живет в избушке, ловит песцов. В колхозе получает за них деньги, продукты и товары.

24 августа.

Путь до Усть-Белой прошли с 20 по 23 августа. Находки были только на третьей сопке Вилки: осколок черепка тонкого серого цвета, ретушированный, и простые отщепы из обсидиана. И на правом берегу Анадыря, ниже скалистой мысовидной террасы, где находятся два бугра, — обломок бивня мамонта.

26 августа.

На Усть-Бельской сопке в одном из курганов был вскрыт очаг среди камней, с черепками, отщепами и двумя наконечниками стрел.

В Усть-Белой так и не удалось достать проводника, зато от председателя колхоза А. А. Рыбалкина получил я обломки рога бизона, выкопанные при рытье ледника в пятнадцатиметровой террасе на глубине 5 метров в мерзлом иле.

Двинулись дальше вверх по Анадырю. Поездку на Чировое озеро пришлось отложить на неопределенное время. Озеро Эльгыгытгын в этом году не вскрылось, и поэтому обычной в середине двадцатых чисел высокой воды на Белой не было.

Мотор у нас барахлит. Моторист Павел почти болен. Бензина мало. Но все же в одном нам повезло: проходя рыбалку ниже Усть-Белой, взяли там замечательного проводника — Алина Алексея Дмитриевича, чуванца 67 лет.

27 августа.

Владимир Иванович нашел на правом берегу Анадыря при раскопках поры, на глубине 70 сантиметров на краю песчаного бугра осколок кости оленя и уголек.

На ночлег стали на песчаной косе на левом берегу, в 1—2 километрах ниже высокой, 15—20-метровой заросшей лесом террасы. Находок никаких. Много медвежьих следов. Замечены также следы оленя и лисы. Владимир Иванович убил 4 куропатки. День солнечный. Издали видны Кутынкинские горы, куда мы сегодня должны идти.

30 августа.

Пишу на полном ходу «Бегущей по волнам». Ровно гудит мотор. Широкая, чуть подернутая рябью гладь Анадыря. Солнышко ласковое. Кучевые легкие облака. Зелень пойменных берегов и голубизна далеких сопок — как все это хорошо!

В лодке за рулем Миша Паленых. Моторист Павлик Поляков спит. Егор возится с биноклем, проводник сидит на нашей экспедиционной кладке посреди лодки и зорко смотрит на реку. «У вас самая ответственная работа: не сядем на мель, не сломаем мотор — значит дойдем до Вакерной», — сказал я ему.

Да, как это хорошо — вот так плыть на «Бегущей», в холодный осенний день чувствовать ласковое прикосновение солнца, знать, что ты сейчас можешь сделать все, что хотел давно, — не это ли настоящее счастье?

31 августа.

Ночевали на Уловном месте. Старик Алин говорит, что здесь много рыбы, да и олени в этом месте переправлялись через Анадырь.

Мы стали на галечниковой отмели. Но в темноте я не увидел, что вглубь идет высокий берег, и покинул его непросмотренным. Терраски здесь многообещающие в археологическом отношении.

Старик рассказывает, как он в 1912 году возил геолога Петра Игнатьевича Полевого в верховья реки Анадырь и Эньмуве-ем. Полевой искал озеро Ивашкино. Отбивал камни молотком. С ним был офицер Николай Андреевич, который все записывал. А 5—6 лет назад был Алин проводником геолога Пономарева.

В 3—5 километрах ниже Уловного на левом берегу высокий деревянный крест с подпорками.

1 сентября.

Обнаружил культурный слой на Усть-Майнском осередыше на высоте 5—6 метров от реки, на глубине 50—90 сантиметров от поверхности, толщиной 10—15 сантиметров. Он состоит из расколотых оленьих костей (среди них один уголек), сильно размыт.

Алин говорит, что чуть выше этого острова олени переходили реку. Тут их били, а разделявали как раз на этом осередыше.

Утром прошли только час-полтора. Мотор отказал возле места наших прошлогодних раскопок в Усть-Майне. Мы с Егором быстро взобрались наверх, но ничего там не нашли. Значит, действительно в прошлом году все выбрали.

Пошли дальше на веслах. Но дождь усилился, и мы решили пристать к берегу в 500 метрах выше предыдущей стоянки на галечной косе. Я осмотрел бечевник и на косе обнаружил обломок венчика от древнего глиняного горшка и осколок паконечника стрелы из черного кремнистого сланца.

Такая затяжная поездка в Вакерную полезна уже тем, что берег по Майну теперь мне будет известен досконально, просмотрена каждая коса.

Проводник у нас хороший. Шутить любит, заботливый, помогает нам.

Сегодня он рассказал мне о Теневиле, изобретателе чукотской иероглифической письменности, который умер в Анадыре несколько лет назад.

2 сентября.

В 9 часов утра пошли пешком бечевой. Идем 45 минут, 15 минут отдыхаем.

На косе, в 4 километрах от Усть-Майна, нашли два скребла из серого кремнистого сланца. Две ножевидные пластинки из серого и зеленого кремня и обсидиановые, окатанные водой отщепы нашли на другой косе, выше по Майну, на его правом берегу, у Лабазинского плеса.

На одной из кос, возле Усть-Майна, нашел перерубленную гальку серого кремнистого сланца с параллельными поперечными кольцевыми надрезами. Интересна для реконструкции техники приготовления заготовок для скребел.

4 сентября.

Продолжаем движение на Вакерную. Пройдя бечевой 4 часа, пристали на обед к левому берегу Майна. На песчаном бечевнике я обнаружил один черепок с отпечатками гребенчатого штампа. Осмотрел обнажение песчаной террасы, возвышающейся на 2,5 метра над бечевником. Догадка подтвердилась — там оказался культурный слой на глубине 70 сантиметров — 1 метра, толщиной около 30—50 сантиметров. Прямо из обнажения обрыва вынул два черепка, а дальше вниз по течению в этом же обрыве обнаружил на большом протяжении слой костей. Миша и Егор тоже нашли на песке бечевника несколько черепков и отщепов. Ребята мои очень устали и не хотели задерживаться здесь. Но значение найденного культурного слоя было настолько очевидно, что мы вскрыли около 6 квадратных метров культурного слоя и обнаружили в его основании древний утоптаный земляной «пол» какого-то жилища с расколотыми оленьими костями и черепками, а также обсидиановыми отщепами. Ножевидных пластинок пока не было.

Осматривая берег, я обнаружил метрах в двухстах какой-то старый раскоп. Потом мне удалось выяснить, что это был раскоп И. А. Некрасова, 1957 года.

Совсем уже близко от Вакерной я осмотрел сопочку Баткино. Алин сказал, что она называется так потому, что сюда приезжал поп из Марково.

Рядом впадает в Майн узкая, но глубокая речка Ездоя. По ней кратчайшая дорога до Марково, минуя Вакерную (от Вакерной до Марково 160 километров, до Усть-Майна — 50).

Последний час движения доставил нам много хлопот на мелях. Все промокли.

Лагерь разбили на косе, не желая тревожить в столь позднее время обитателей рыбалки. В тот вечер на чистом звездном небе было полярное сияние.

Наутро мы переехали на противоположный берег. Как и

Рыбаки Вакерной строят дома.

в прошлом году, нас громким лаем встретили собаки. Находок от старого поселения на берегу даже при низкой воде оказалось меньше, чем я предполагал. Трогательной была встреча с Иваном Гавриловичем Собольковым. Я отдал ему фотоснимки, которые вез специально для него. Он был очень рад. Рассказал, что он показал Некрасову то место, где много таких черепков. Некрасов обещал привести сюда много людей для раскопок и прислать журнал, в котором будут упомянуты имена всей бригады, но пока не прислал. Я успокоил старика, заверив, что Некрасов сдержит свое слово.

Я отправился на разведку берега. Но находок было мало. Зато познакомился на берегу с очень интересным человеком, мастером засола и копчения рыбы, настоящим энтузиастом своего дела Семеном Ивановичем Корниловым. Он стал мне горячо рассказывать о своих достижениях в деле засолки и консервирования рыбы, сводил меня в ледник, показал маринованную сельдь. Он очень убедительно доказывал, что богатейшие рыбные угодья Вакерной протоки должны стать основой будущего большого рыбокомбината.

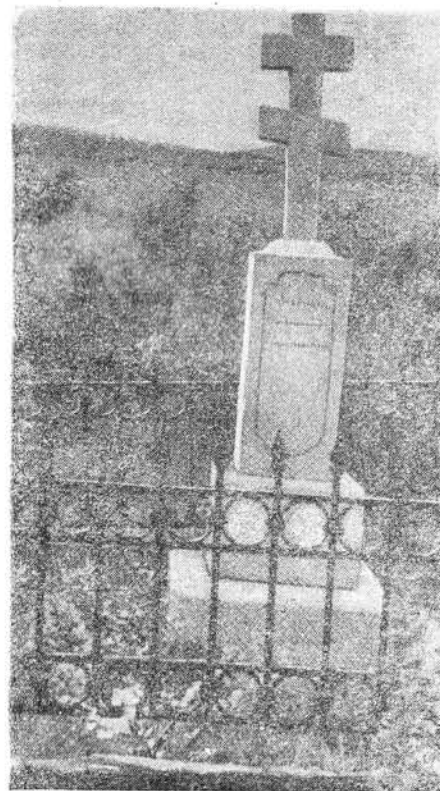
Раньше рыбу зарывали прямо в ямы. Никто и не слышал, что ее можно консервировать и мариновать. Огромные рыбные богатства поэтому пропадали, в лучшем случае шли на удовлетворение собственных потребностей и, разумеется, при неумении консервировать не могли иметь товарного значения. Если все это учесть, Семен Иванович Корнилов занят очень важным для экономического роста Чукотки делом.

Затем я вернулся в жилище Ивана Гавриловича. Меня усадили за стол, стали угощать. Разговорились. Собираются строить здесь новый ледник, новые дома, хотят вызвать квалифицированных плотников.

Потом мы углубились в прошлое. Иван Гаврилович вспомнил знатные дела своих предков. Сам он был сыном чукчи Гаврилы Ивановича и ламутки Устины. Один из четырех братьев его матери, Михаил, был замечательным плотником. Когда в Марково в 1887 году решили строить церковь и начали с чертежа, он сказал: «Буду строить колокольню без всякого чертежа, чтоб она была восьмистенная». И получилось.

В разговоре выяснилось, что и бригадир Верещагин приходится родственником Ивану Гавриловичу. Познакомился я и с остальными членами бригады: Мефодием Шитиковым, Дмитрием Павловичем Дьячковым, стариком Коравье, Тынавье, Раей Кергина и женой Ивана Гавриловича — ламуткой Собольковой Ксенией Михайловной. Они мне предлагали всяческую помощь, в том числе и продукты, которые были у нас на исходе.

Моторист Геннадий Иванович Жигалкин за какой-нибудь час помог отремонтировать наш злополучный мотор. Я пригласил всех поехать на «Бегущей» к могиле доктора Гриневецкого, основателя поселка Анадыря (в 1889 г.), первого начальника Анадырской округи (1889—1891). Я сфотографировал и зарисовал памятник — крест из трех кусков светло-серого полированного гранита, стоящий в чугунной ограде. На одной стороне креста надпись «Леонид Францевич Гриневецкий, ро-

«Потрудившемуся на пользу науки» — Леониду Францевичу Гриневецкому.

дился 17 июня 1853 г., умер 26 июня 1891 г.», на другой — «Потрудившемуся на пользу науки, 1894 г.» Ксения Михайловна рассказала, что памятник прислала на Чукотку мать Гриневецкого. Заболев в пути на реке Майн, он просил похоронить его на самом видном месте на берегу, чтобы все проезжающие видели его могилу. Мне вспомнились слова усть-бельского чукчи — старика, ныне покойного Трофима Анкудинова, который сам видел Гриневецкого и рассказывал мне о нем в 1956 году: «Тот был черно книжник, знал наперед, что кто хочет сказать, и свою смерть тоже предсказал. Много книг писал. Был высокий, худой, хороший был человек». Добрую славу Гриневецкий заслужил. Это был настоящий самоотверженный исследователь. Не щадя своего здоровья, он за короткий срок извездил значительную часть Чукотки. Добрый, отзывчивый человек и врач, он лечил чукчей бесплатно.

Очевидно, медведь развалил крест. Мы поставили на место куски креста и отправились в обратный путь.

6 сентября.

Пристали в 8 километрах ниже Вакаревской рыбалки к левому берегу Майна, чтобы дообследовать здесь культурный слой.

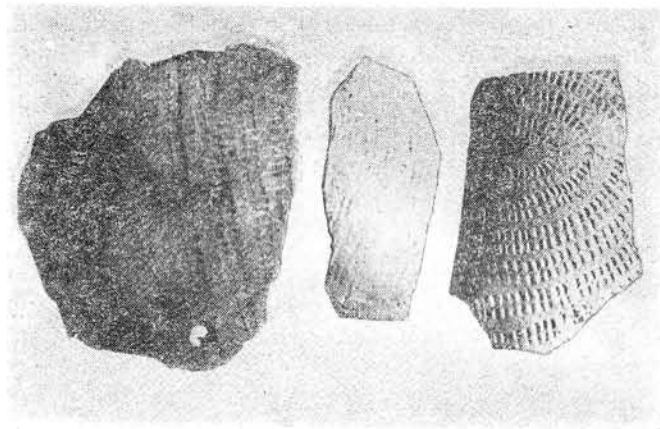
Меня интересовала обнаруженная на этом месте при начале раскопок площадка утоптанной земли.

Работали только часа два-три после обеда. Я отпустил ребят еще до захода солнца, после того как они раскорчевали крупный кедряч над культурным слоем на площадке 5×2 метра.

Егор стал заготавливать колышки для раскопа, а Миша, узнав, что я иду на нижний мысок к речке Вышке, взялся меня проводить, прихватив с собой карабин. Только потом я догадался, что он провожал меня в качестве телохранителя: здесь было много свежих медвежьих следов.

На мыске нас ждал сюрприз. Обнаружили очень много орнаментированных осколков древней глиняной посуды разных типов. Все это большущими кусками было разбросано на выдувах песчаного бечевника. Новая, совсем загадочная древняя культура Чукотки предстала перед нами во всем блеске своего керамического мастерства.

До сих пор мы имели дело с довольно серенькой, совсем почти не украшенной посудой с древних стоянок рек Анадыря и Амгуэмы и из Усть-Бельского могильника. Древность ее исчислялась концом второго — началом первого тысячелетия до н. э. Теперь же нам в руки попала глиняная посуда с затей-

Керамическое мастерство обитателей древней Чукотки.

ливыми ленточными и арочными узорами, сделанными мелкими зубчиками гребенки. Прямоугольные отпечатки этих зубчиков были очень четкими и обильными. Украшенные таким пластическим способом глиняные сосуды были просто красивы. Кто и когда здесь лепил и обжигал их? Не потому ли людей бронзового века соседней Северной Якутии, где тогда была в ходу такая же керамическая техника? Или эта техника и эта культура возникли на Чукотке самостоятельно? На этот вопрос можно было бы ответить, зная дату открытого нами памятника. Но для этого надо найти угли в его культурных слоях, угли из древних костров. Найдем ли мы их на нашем раскопе?

На следующий день до обеда полностью разобрали землю над утоптанной площадкой. Жилища, к сожалению, в целом виде обнаружить не удалось. Видимо, мы захватили только его край — остальное размыло рекой. Но было несколько костров на разных уровнях, и я взял в коллекцию много хорошо сохранившегося древнего угля. Это была первая находка на Чукотке древнего угля для радиоуглеродного анализа¹.

Кроме того, в культурном слое нам встретились расколотые оленьи кости, косточки рыбы, птиц (уток?), разные черепки.

¹ Образцы этого угля переданы для определения даты радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии.

Было и несколько обсидиановых отщепов. Все это на глубине около одного метра, в песке.

Двинулись в обратный путь. По пути осмотрели мысок по другую сторону речки Вышки. Подъемного материала на песке не оказалось. Зато в обнажении берегового песчаного обрыва с поверхности на глубину до полуметра прослеживается слой расколотых оленьих костей.

7 сентября.

Ночевали на левом берегу Майна, там, где кончается плес Уловное. Утром сходили с Егором к сопочке (булгуньяаху), но она оказалась сплошь заросшей кедрачом.

На правом берегу Анадыря, если ехать по фарватеру, на нижнем высоком мысу Ковальского острова могут быть находки. Это примерно в 15 километрах ниже Денежного.

Недалеко от Кутынкинской возвышенности впадает речка Ильмувеем, при устье которой раньше жили люди.

11 сентября.

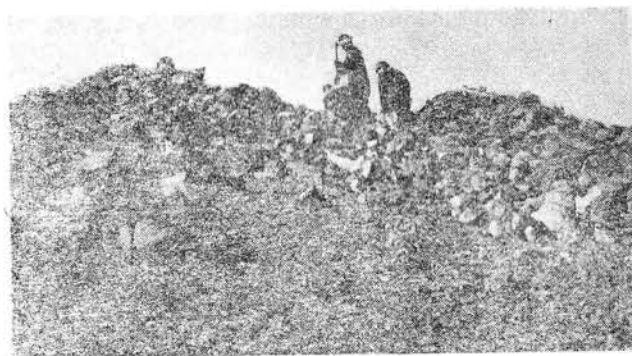
Когда мы возвратились к нашему лагерю возле Усть-Белой, Владимир Иванович, руководитель третьего отряда, сообщил нам радостную новость.

Один его разведывательный шурф дал блестящий результат. В верхней части кургана № 8 ему повезло напасть на человеческие кости. Он тотчас прекратил копать и стал дожидаться моего возвращения.

На раскопки счастливого кургана теперь были направлены все наши силы.

Огромный курган, до 13 метров в поперечнике, был раскопан полностью, на снос. Скелетов оказалось четыре, лежали они на разных уровнях, один под другим, в центральной части кургана, и, судя хотя бы только по характеру погребальных вещей, все четыре были очень древними, примерно трехтысячелетней давности.

Верхний скелет (№ 1) лежал на спине в вытянутом положении, черепом на юг. Под раздавленным черепом удалось расчистить множество мелких круглых бусинок, сделанных из раковин. Когда-то эти бусинки, видимо, украшали шапку погребенного. Такие украшенные бисером шапки любят носить с давних времен ламуты, тунгусы и другие таяжные народы. Справа от черепа оказались обломки глиняного горшка, в который клали при погребении для души умершего пищу. В могиле нашлось также много мелких каменных (кремневых, обсидиановых) отщепов.

На раскопки счастливого кургана были направлены все наши силы.

Дух захватывало от такой находки.

днанных и халцедоновых) изделий: скребков, наконечников стрел, ножевидных пластинок, резцов. Тут же лежало десятка полтора самым тщательным образом сделанных наконечников стрел со слегка выпуклым насадом, очень похожих на наконечники стрел прибайкальского и приленского позднего каменного и раннего бронзового веков (второго — начала первого тысячелетия до н. э.).

Работа кипела, нам помогали школьники. В числе таких добровольцев оказался и инструктор окружкома ВЛКСМ Юра Кергытагин, приехавший сюда из Анадыря в командировку.

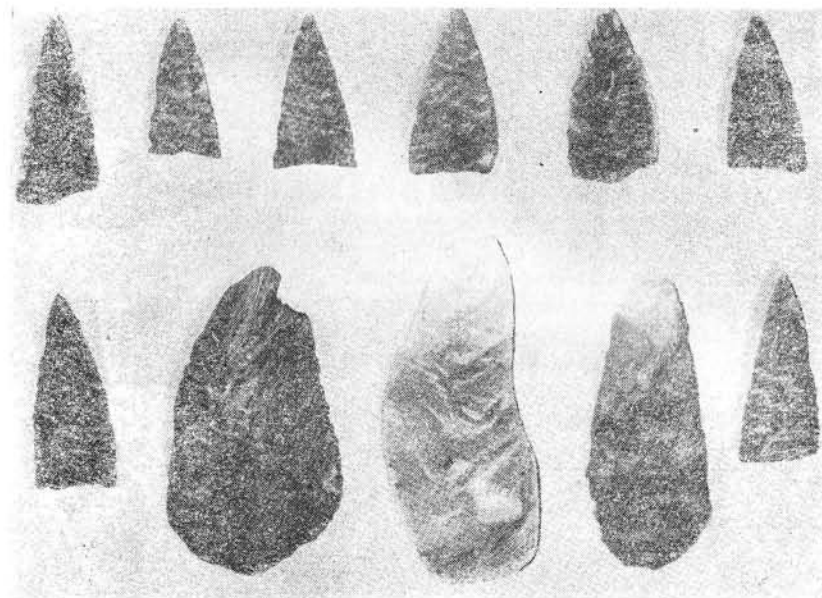
Особенно сильное впечатление произвели на нас яркие пятна на красной охре возле черепа и на ребрах грудной клетки; яркие, как огонь, алые, как кровь. А какой смысл имел этот обряд положения в могилу охры здесь? Кровь или все-таки огонь? Вспомнились известные стихи Лонгфелло из «Песни о Гайавате»:

Не кладите тяжелой ноши
С мертвецами в их могилы, —
Ни мехов, ни украшений,
Ни котлов, ни чаш из глины, —
Эта ноша мучит духов.
Дайте лишь немного пищи,
Дайте лишь огня в дорогу.

Эти слова отражают перелом в первобытном мировоззрении, переход от обилия сопровождающих мертвого в могиле вещей к самому только необходимому — огню и пище. Но современники усть-бельских курганов еще не дошли до этого. Погребальный инвентарь их покойников обилен. Здесь много вещей: есть и пища, есть и огонь, вернее, его магическая замена — красная охра.

Остатки двух других скелетов (№ 2, 4) лежали «валетом»: ноги одного на ногах другого, черепами в противоположные стороны — на северо-запад и юго-восток. Рядом с ними много каменных резцов, скребков, отщепов, наконечников стрел, ножевидных пластинок. А среди разломанных костей черепа скелета № 2 было найдено (впервые на Чукотке!) бронзовое изделие — маленькое четырехгранное шило, покрытое темно-зеленой древней патиной.

Самый нижний скелет (№ 3) сохранился лучше всех других, что объясняется его более глубоким захоронением (на глубине около 1,5 м) и тем, что он покоем непосредственно на вечной мерзлоте. Он был положен на спину, головой на запад в позе «руки на поясе», со скрещенными ногами.

Каменные скребки, наконечники стрел, резцы, найденные в могиле усть-бельского кургана № 8.

Никаких каменных вещей при нем не было. Зато под правой стороной его нижней челюсти оказался тщательно обернутый в бересту маленький бронзовый резец, тоже покрытый древней зеленой патиной. В том месте, где резец соприкасается с челюстью, сохранился даже клочок темных волнистых волос мертвеца — их сохранению способствовали окислы меди.

Все в этом кургане было ново и необычно для древней Чукотки, какой мы ее прежде представляли: и обряд засыпки мертвецов красной охрой, и обычай украшения шапки мельчайшими раковинными бусинками-кружочками, и клыки медведя, и обилие каменных наконечников стрел, их форма и особенно употребление бронзовых изделий. Было еще не ясно, бронза это или медь. Бронзовых изделий было найдено только два, но теперь с уверенностью можно ожидать, что скоро на Чукотке будет открыта целая, давно забытая историческая эпоха — бронзовый век. Роскопки в Усть-Белой вели четыре дня. Для проверки прокопали даже на полуметровую глубину чистый материковый грунт по всей площади кургана.

12 сентября.

Сегодня в 9 часов утра отошли на двух лодках от берега вниз к Чикаево на соединение с другим нашим отрядом (№ 2) под руководством Бориса Юдина.

Денег осталось мало, и перед отъездом я вынужден был отказаться от проводника. Сказал Алину об этом, но старик не захотел уходить от нас: «Ты и так много мне дал, я провожу вас дальше без денег. Скоро помру, наверное, хочу проводить вас до конца. С хорошими людьми встретился».

Старик проводил нас до Утесиков.

Протившись со стариком и оставив лодку наверху, я пешком прошел все Утесики (вниз по течению): на бечевнике ничего, кроме трех каменных женских скребков и пластин от костяных лат, не оказалось. Неужели старик Лелейн неправду сказал, что на Утесиках много «писанных черенков»?

13 сентября.

— Привет Магеллану! — кричит нам человек с берега, очевидно геолог.

— Привет Робинзону! — отвечает ему в том же духе Павел.

Наша «Бегущая» — под парусом. Движемся довольно быстро. Со вчерашнего дня после очередной поломки мотора прошли от Утесиков не менее 70 километров. Теперь до Чикаево осталось километров 20.

«Бегущая по волнам».

Парус смастерили из палатки Владимир с Павлом. Да и веслами помогаем, гребем по очереди, сменяемся через каждый час (я в паре с Мишей, а Егор с Павлом).

До чего же хорошо: солнце, тепло, комаров нет. Опадает осенний золотой лист. Чудится, что чистый воздух звенит.

Весело плыть вот так под парусом. Миша поет, я фотографирую.

— Оригинальный снимок будет, — острит Владимир Иванович. — Бренные останки экспедиции возвращаются.

Загадочное захоронение черепов.

Вверх по Анадырю и Белой — к древнему стойбищу на Чировом озере.

Удивительная находка в Усть-Бельском кургане

(Из дневника 1959 года)

13 июля.

Сегодня первый день новой экспедиции. Пока что разведка на Седьмом причале, на северном берегу лимана. Осматриваю еще раз то замечательное место, где в прошлом году нашли стоянку с человеческими черепами. Закладываем раскоп площадью 36 квадратных метров, и перед нами теперь полностью раскрывается этот уникальный, во многом еще загадочный памятник древней культуры.

В большом зольном пятне среди остатков рухнувшего надземного жилища находим куски черепной крыши человека, три поворотных гарпуных наконечника из кости, терку, каменный пест, молот, топор, костяную пику, лодку и другие поделки. Сваленные радиально по отношению к этому скоплению золы бревна лежат с южной и восточной стороны от него. Судя по их расположению, они являются остатками каркаса некогда стоявшего здесь жилища типа яранги или чума, а зольное пятно — остатками очага. Под бревнами широкой дугой вокруг очажной золы располагались другие человеческие черепа или их части (в том числе распиленные черепные коробки) вместе с различными каменными и костяными вещами бытового, хозяйственного и охотничьего назначения. Среди них обнаружены и костяные наконечники стрел, и кинжалы, и грузила, и остатки глиняных сосудов, и мотыги из моржовых клыков, шиферные ножи и другие вещи, а также многочисленные расколотые кости оленя и морских животных и даже целый череп

медведя, лежащий вместе с кусками человеческого черепа, черепками и костяными острями. Как видно из плана размещения в раскопе всех этих вещей, они группировались отдельными скоплениями вокруг человеческих черепных костей, что придает всему памятнику ритуальный характер. В раскоп попала только часть жилища. Вход в него был с северной стороны на месте выкопанной здесь уже в наше время широкой траншеи.

День чудесный, солнечный. Участники экспедиции — Вася Истрашкин, Володя Денисов, чукча Вася Терелькут да моторист Панафидин Александр — хорошие, добросовестные.

Впереди — весь бассейн Анадыря. Думаю, что на нашей «Бегущей» с двумя моторами мы много сможем пройти и сделать.

22 июля.

Наше путешествие началось 21 июля ночью. Погрузившись у анадырских причалов, зашли на Вторую Базу, запаслись там канистрой моторного масла и купили аптечку. Подбирая лекарства, фельдшер сообщил нам неприятную новость: у нашего рабочего чукчи Васи Терелькута порок сердца, с ним часто бывают припадки и обмороки. Взяли для него специальные лекарства и решили взять его с собой: парень он хороший, старательный.

На первом же привале обнаружили, что резиновая лодка лопнула, а патроны к карабину не подходят. Придется их менять в первом населенном пункте, а пока будем пользоваться мелкокалиберкой и двустволками.

...Теперь идем по лиману. Решили сократить путь и пошли прямо фарватером. Ветер свежеет. Небо обволакивается тучками. Волна становится крупнее. Но до Американской кошки в устье реки Анадырь добрались благополучно, к всеобщему удивлению ее обитателей — рыбаков: им казалось невероятным, что мы на лодке прошли лиман напрямик, а не обычным круглым и долгим путем вдоль северного берега.

27 июля.

Остановились на правобережной косе при устье ручья у мыска, осмотренного мною еще в 1957 году.

Весь день ушел на разведку: сначала вверх по ручью к мысу, затем вниз по его течению. Потом еще раз осмотрел другой мысок на берегу Анадыря и прошел километра 3—4 дальше за мысок, вверх по течению Анадыря. Ничего археологического, только по ручью признаки каменного угля.

25 июля.

Из-за шторма вчера мы не могли двигаться дальше. Но и сегодня с утра ветер и «барашки» на реке. Идти все же придется. Наша цель — сопочка с тремя вершинками, где еще раньше мною была обнаружена мастерская каменного века.

После завтрака спустили лодку и обнаружили, что она дала течь. Пришлось ее проконопатить.

26 июля.

Шли в шторм, и лодку едва-едва не захлестывало. Длинный морской мотор ЛМ-6 сразу же отказал, на ходу пришлось поставить короткий — «Москву». Так и плыли на «Москве» до самой цели. И неплохо: винт под защитой кормы полностью проворачивался, лодка ползла просто-таки «на брюхе» по косам, мелям и перекатам. Один раз пришлось всем тащить лодку волоком по мелководью.

Проехали рыбалку на косе Телеграфной. Кроме косы Телеграфной, осмотрел все мало-мальски приметные косы. На Телеграфной и нескольких других обнаружены отщепы, а на последней косе перед высоким мысом с осыпями оказалось заброшенное чукотское стойбище со следами от двух яранг, ямой для мяса и целой оленьей нартой с тремя парами прямых деревянных копыльцев. Там же возле очагов — два скребла архаического типа из грубого серого камня. Впрочем, подобные скребла характерны и для всего периода от древнего неолита до современности.

К одиннадцати часам вечера на горизонте показалась сопочка с тремя вершинами. Я произвел разведку крутых суглинистых обнажений берега и чуть выше заброшенного чукотского стойбища, в террасе высотой около 10 метров, на глубине 4 метров обнаружил прослойку каменного угля.

В половине первого ночи пристали к сопочке — стоянка Осиновая. Утром начали работать. Заложили раскоп на месте древней мастерской, где в каменном веке производилась выделка обсидиановых орудий.

27 июля.

Утром, устроив ребятам выходной день, я с мотористом отправился в Красино. За продуктами и на разведку. В поселке встретился с прошлогодним моим мотористом Павликом Поляковым. Он рассказал, что на Красинской косе во время рытья ям для погребений на глубине 1 или 2 метров, в гальке нашел много отщепов. Мы осмотрели это место. Рядом ока-

зался береговой обрыв. При первой возможности надо произвести зачистку его обнажения.

На обратном пути на косе, где рыбалка, на правом берегу Анадыря, моторист А. Панафидин обнаружил культурный слой с расколотыми костями оленей и обсидиановыми отщепами. Характер культуры такой же, как и у той, следы которой были обнаружены на поверхности кос. Это интересно: значит, люди эти были не только рыболовами. Но неужели они были и оленеводами? Или только охотились на оленей?

Древняя мастерская на вершине трехгорной сопки.

Вернулись вечером, еще немного поработали на сопке. На раскопе нашли обсидиановый наконечник стрелы и миниатюрный концевой скребочек.

1 августа.

Завершив раскопки на Осиновой сопочке, разведывали анадырские косы.

Двигались вверх по Анадырю. Возле ближайшей рыбалки, на косе Осиновой, произвели зачистку обнажения. Александр Васильевич Никитин, корреспондент «Советкэн Чукотка», встретившийся нам на рыбалке, тоже принял участие в раскопках и был очень доволен своими удачными находками, особенно маленьким обломком прямого венчика от грубого толстостенного глиняного сосуда, который он извлек из нижнего слоя. Это была первая керамическая находка в памятниках культуры нижнеанадырских кос.

На ночевку устроились в тот вечер за новым поселком Красено, на косе № 3, при выходе из Красного озера. Мы с мотористом произвели предварительный осмотр косы. Сложена из гальки. Множество грубых отщепов и осколков поблескивает всюду в размытом галечниковом валу косы.

Наутро 30 июля пошли на лодке на Красное озеро, оставив в лагере на косе Васю Терелькута (он был на положении

большого). Хорошие сборы дала коса № 2. Но под каменным кругом, который я заметил еще в 1957 году, ничего не оказалось. Это был обычный очаг чукотской яранги.

После обеда Володя и Вася Истрашкин делали зачистку разреза возле кладбища, где Павлик Поляков (мой моторист в 1958 году) находил обсидиановые отщепы на глубине 2 метров. Действительно, на глубине 1,8 метра оказались мелкие обсидиановые отщепы.

31 июля мы начали раскопки Осиновой косы. В первый же день Володя нашел там костяную рукоять от ножа.

1 августа копали с утра только час. Нашли колок от поворотного гарпуна и разбитые оленьи кости. Потом пошел дождь, и ребята занимались только снятием дерна.

На другой день вся площадь намеченного раскопа (20 квадратных метров) была освобождена от дерна. На глубине 0,5 метра по всей площади раскопа встречались нерпичьи и в еще большем количестве оленьи кости. Попался здесь и еще один черепок от грубого глиняного сосуда.

Кроме того, нашли следы двух кострищ, медвежьих клыки, обломок кирпичи из моржового клыка, точильный камень и загадочную подвеску из моржового клыка.

Начали копать и нечто вроде землянки рядом с этим раскопом. Обнаружили очаг и много целых и расколотых оленьих костей.

Установился ритм работы: по 7—8 часов в день, не считая 2 часов ходьбы к месту работы и обратно. Такое хождение превращается в настоящую разведку, так как по пути к мысу находим на бечевнике реки различные древние каменные изделия, преимущественно обсидиановые. В числе их оказались даже три больших массивных наконечника, большие и широкие ножи и 2—3 абсолютно правильные пожевидные пластинки.

Возле самого нашего лагеря на поверхности и в дерновом слое обнаружили обсидиановые отщепы и шиферный нож рядом с лежащими на поверхности очень старыми, вросшими в землю рогами.

В этот день произошла смена моториста. Мотористом стал Вася Истрашкин.

Экспедиция укрепилась также и количественно — в ее состав был принят новый рабочий — Виктор, ученик 9-го класса Анадырской средней школы.

Все хорошо. Плохо только, что мало боевых патронов, а медведи бродят совсем близко.

3 августа.

Нашли на раскопе большой накопечник стрелы из кремнистого сланца и еще два черепка, подобных прежним. Кроме того, черепок я нашел на бечевнике по пути к раскопу от нашего лагеря. Таким образом, мы имеем уже довольно значительную коллекцию керамики этой новой поздней культуры. Жаль только, что не можем никак найти гарпун, хотя наши раскопки близятся к концу.

Моим рабочим очень трудоемкие раскопки здесь уже надоели. Приходится самому много работать, подавать пример. Под конец помогли товарищи с рыбалки.

Продолжали раскопки соседней землянки. На дне, на глубине 1 метра — угли, очажные камни, много расколотых оленьих костей, но вещей нет.

4 августа.

Сегодня начали работать немного раньше, чем обычно: в 9 часов утра уже были на месте. Добрали остатки культурного слоя, обнаружили все те же кости и еще один черепок.

Покопали немного и пошли в землянку. Она очень плохо поддается раскопкам — дерн крепкий, да и у ребят нет к ней интереса. Раскопали только половину. Возле очажного камня, на покрытом тонким слоем угля галечниковом полу обнаружили перевернутый каменный жирник, безусловно древний, теперь таких нет. Кроме того, нашли несколько каменных скребков, очень похожих на канчаланские. Костей в землянке было очень много, преимущественно оленьих, расколотых.

Пообедав, стали собираться плыть дальше. И тут на горизонте появился караван. Знаками мы попросили взять нас на причеп до Усть-Белой. На катере согласились, и мы погрузились на третий задний кунгас. Так удастся нам сэкономить и время и бензин, пройти быстро мимо уже исследованных нами берегов.

6 августа.

В Усть-Белую пришли неожиданно скоро, в 9 часов утра.

Лагерь разбили напротив молочной фермы, на стороне Усть-Белой, чтобы ходить на работу пешком.

В поселке встретил бывшего председателя колхоза Алексея Алексеевича Рыбалко, подарил ему «Записки» нашего музея. От него узнал, что по Белой сейчас, пожалуй, можно подняться до Чирового озера. И план мой окончательно определился: на Чировое — любой ценой! Достал бензин, патроны, купил примус, продукты, договорился с проводником Алиным. Ходил на

Проводник Алексей Дмитриевич Алин.

гору, с волнением смотрел на свои курганы. Еще немало надо поработать, чтобы раскопать их полностью — но это после поездки на Чировое. Усть-бельские ребята всюду следовали за мной и горстями передавали мне отщепы и «стрелки». Некоторые из этих моих молодых друзей пошли со мной на сопку...

И вот мы идем по Белой. Удастся ли преодолеть ее бурное стремительное течение? Медленно ползет наша «Бегущая». Еле-еле движется берега. Но все же идем, идем на Чировое!

7 августа.

Вчера прошли от Усть-Белой вверх по реке не больше 25 километров. Три раза чинили моторы.

Палатки разбили возле сопочки (булгуньяаха) и сегодня утром шурфовали ее до глубины 0,5 метра. Оказалась желтая супесь с мелкой галькой. Впереди, вверх по Белой, до гор еще три таких бугра. Думаю, что и они не дадут находок.

Камешковая гора километрах в десяти. Думаю, что будем обедать возле нее. А ночевать неплохо бы у Чуванского, при впадении речки Синовой (возле острой сопки). Старик Алин рассказал, что ниже Чуванского было селение Петушково (оно и на карте обозначено). Там с 1912 до 1920 года жил русский Петушков, в Чуванском жили чуванцы. Они покинули Чуванское еще до поселения Петушкова. «Некоторые примерли, некоторые вверх, туда, в Марково, ушли», — объяснял мне старик.

...День сегодня чудесный. Светлая облачность, тихо, комаров мало, солнышко пригревает. И простор, раздолье!

Вода реки Белой изумрудно-прозрачная, холодная. Алин сказал мне, указав на протоку справа:

— Эта протока называется Роговая. Там рога мамонтов находили.

На обратном пути придется эту протоку осмотреть.

Затем осмотрели Камешковую горку, до которой наконец-таки с большим трудом добрались. Наверху — щебенчатая площадка и нечто вроде небольших каменных кладок. Это место заслуживает самого тщательного исследования, тем более что здесь был переход оленей через реку.

Ниже, сразу за Камешковой горкой — пережат. Тянулись по нему бечевою, да еще с помощью мотора. Течение невероятно сильное.

...9 часов вечера. Солнце через два часа скроется. Проводник обещает, что сегодня дойдем до Чуванского. А Петушково осталось в стороне — в другой протоке.

Пока плыли, он мне рассказывал, что олени переходили Бедую в трех местах: у Камешковой сопки, у Бычьей горы и возле Усть-Двух. Переходили весной и осенью. Осенью порой по льду, иногда еще по воде. Били их с каюков, кололи копьями — поколюгами с железными наконечниками. Убитых связывали за рога по нескольку штук и буксировали к берегу. Поколка организовывалась так: два каюка, гочнее две ветки, сшитые из трех досок, сдерживали оленей с боков. Третья ветка находилась посредине, и стоящий в ней охотник бил оленей направо и налево. В каждой ветке сидело по одному человеку. Оленей подбিরали на буксир особые карбасы. В каждом карбасе по два-три человека. За полчаса хороший охотник мог забить до ста оленей. Из Марково приезжали бить оленей на Усть-Майн и Снежную, а по Майну, у Алгана, и сейчас еще бьют.

Старик знал и Алган, и Еропол, и Чуванское на Анадыре. Я предложил ему быть нашим проводником в этих местах в будущие годы. Алин сказал, что чуть пониже Чуванского по реке Белой есть скала Дракливая — там чайки гнездуются, птенцов выводят и дерутся, потому и название такое.

8 августа.

На ночь стали чуть ниже Дракливой скалы, на галечниковой отмели. Я пошел осматривать скалу — нет ли там писаниц? По почти отвесному склону с немалым риском взобрался наверх, где все заросло кедрачом. На небольших плешинках никаких следов человека.

Утром продолжали путь дальше. Осмотрели бывшее Чуванское на правом берегу Белой. Когда плывешь по реке, то ничего, кроме довольно высокой галечниковой отмели, не видно. Чуванское вглубь от берега метров на 100, за кустарником. Это место густо поросло травой, никаких следов незаметно. Там теперь есть хороший незаселенный охотничий домик с каюком на крыше.

После Чуванского большой пережат. Опять подтягивались бечевою. Осталась половина горючего. Пути тоже половина.

Впереди Бычья гора, там остановимся на обед. С левой стороны впадает речка Майкина, где американец Майкин добывал золото.

10 августа.

Вчера прошли рекордно короткое расстояние — всего 3 километра вверх от Бычьей горы: настолько сильны здесь пережаты.

Я вспугнул ястребину семью.

— Отпусти, бык, — взмолился старик, когда нас третий раз относительно течением обратно к горе.

Весь участок от Бычьей горы на протяжении 3 километров по правому берегу горист. Четыре сопки образуют здесь нечто вроде вилки или гребешков.

Я дважды слазил на Бычью гору. Она сверху поросла кедром. Со стороны скалистых уступов, обращенных к реке, имеется камень, очень напоминающий голову оленя. Отсюда и название — Бычья.

Я вспугнул ястребину семью, гнездящуюся на вершине утеса. Самец и самка кружились над моей головой, угрожающе клекоча и делая стремительные пикирующие выпады. Я погрозил им перочинным ножом — другого оружия у меня не было. А когда спускался уже вниз, навстречу мне поднимался Вася Терелькут с карабином. Он сказал, что, охраняя своих птенцов, ястребы нередко нападают на человека.

Весь вчерашний день мы были в мокрой одежде, резиновые сапоги наши были полны воды. Тем не менее никто не заболел и даже насморка не схватил. И спирта вечером вместе с Алиным мы не пили. Ему пришлось «лечиться» одному. Наши рабочие все непьющие. Прекрасно согрелись чаем.

10 августа.

Уже пятый день продвигаемся к Чировому озеру. Прошли свыше 80 километров. Теперь осталось километров 15 по Белой, 20 — Эньмувааму до Мухоморненской метеостанции и столько же по реке Мухоморной и протоке в озеро.

Чировое озеро — цель достойная, стоит многих трудов и лишений. И чем больше трудностей, перекаатов и мелей, чем быстрее течение реки, тем настойчивее стремится наш коллектив к этой цели.

11 августа.

До Усть-Двух осталось несколько километров. Сегодня с утра обложной дождь, и мы сидим в палатках, не решаясь пока двигаться дальше.

Но к вечеру, несмотря на дождь, мы сняли лагерь и пошли на лодке дальше вверх по Белой.

Перед входом в Эньмуваам, на косе слева от устья, пополнили запасы бензина.

Бочка с бензином и масло стояли просто так. Только на ведро с маслом положена доска, сверху камень — все рассчитано на честность.

Мы взяли только два ведра — у нас не хватало до Мухоморной.

Продвигаемся по Эньмувааму. При входе слева оставили гряду сопки с плешинами наверху. Одна из сопочек особенно интересная. Но подход к ним с реки плохой. Осмотрим на обратном пути.

14 августа.

Вчера к вечеру пришли в Мухоморное. Начальник метеостанции тов. Брыкин уехал на Чировое. Договорился пока с его женой: она дала мне 50 килограммов бензина.

Все население этого пункта состоит из 6 работников метеостанции, 5 человек оленеводческой бригады, кинемеханика, бригадира, фельдшера и заведующего магазином с женой.

Вместе с тремя детьми дошкольного возраста это составляет 19 человек.

Люди все замечательно гостеприимные.

16 августа.

Отдохнув и пополнив в Мухоморном свой отряд людьми и снаряжением, двинулись дальше к Чировому озеру — теперь уже на двух лодках. Вторую небольшую лодку взяли у чукчи

Вальвары, бригадира оленеводческой бригады, который поехал с нами.

На другой день были уже на озере, благополучно пройдя узкую, чрезвычайно мелкую и извилистую протоку. Сразу же нашли бугор с остатками знаменитой неолитической стоянки, открытой еще в 1953 году Н. А. Граве. Лагерь поставили у самого бугра. А наутро на его вершине уже кипела работа. Надо было воспользоваться установившейся сухой погодой и раскопать как можно большую площадь. Соорудили из ящиков носилки, на которых выносили землю из раскопа. Стремилась всегда иметь как можно более широкую, хорошо защищенную площадь, свободную от обработанной земли культурного слоя.

17 августа.

Наш раскоп достиг весьма значительных размеров — 120 квадратных метров. Раскопки производим поквратно с послойным вскрытием всей площади. Стратиграфия раскопа в общем совпадает с данными Н. А. Граве. Сверху идет дерн и черная луговая земля. Толщина этого слоя 10—20 сантиметров. Ниже — слой бурого суглинка с мелкой галькой толщиной 15—20 сантиметров. Еще ниже прослеживается пласт светло-бурой супеси тоже с мелкой галькой, примерно такой же толщины, и все это подстилается желтой глиной различной мощности. Еще глубже залегает зеленовато-серая глина.

В пределах раскопа появляется все более сложная система очагов и хозяйственных ям разного назначения. Все они, кроме

Раскопки на берегу Чирового озера.

одной большой ямы, расположены в двух понижениях: к западу и к востоку от широкой полосы желтой глины. Обнаруживается большое количество различных останков человеческой жизни и деятельности, несомненно продолжительной, на этом исключительно удобном для рыбной ловли и охоты на оленей месте. Вокруг одной из таких очажных неглубоких ямок с угольками, осколками оленьих костей и несколькими обломками глиняной посуды найдены два кремневых скребка, обсидиановый нож, кремневый резец, обсидиановый наконечник стрелы и обломок кремневого наконечника, костяной зубец от остроги, пластинка из мамонтового бивня, костяное шило, 6 кремневых, 3 халцедоновых, 8 обсидиановых отщепов, а несколько в стороне — кремневый скребок, топорик и наконечник стрелы. Вокруг других кострищ и ям также оказалось множество расколотых оленьих костей, битой глиняной посуды с легкими текстильными отпечатками, кремневые наконечники стрел, скребки, отщепы, ножевидные пластинки, а возле одной большой ямы лежал даже каменный жирник очень примитивного вида.

18 августа.

Вечером осмотрели скалистую сопку на северном берегу озера, куда всем коллективом приехали на «Бегущей».

Все пошли к живописным скалам наверх, только старик остался внизу.

— А я тут дрова сгрудил пока, — сказал он, когда мы вернулись, показав на кучу сухостоя.

Его забота о неизвестных людях была нам уже хорошо известна. Он то банку оставит на воткнутой палке, то дров соберет, прежде чем покинуть это место. Так известный на Севере обычай взаимопомощи проявлялся на наших глазах.

Дождь, работать нельзя. Приходится отсиживаться в палатках и мечтать о солнце и тепле. Для нас это страшная беда, и старик Алин пытается умиловить природу:

— Дай солнце, Анадырь! — обращается он несколько раз к реке, потом объясняет нам: — Анадырь — это хозяин реки, он в верховьях.

Старик смотрит в сторону верховий Анадыря.

19 августа.

Более всего заставила нас думать желтая глина, неожиданно появлявшаяся на раскопе местами прямо под дерном, а местами — глубже. Первое мое предположение: глина естественного происхождения и залегает пластами, чередуясь с культур-

Вдруг обнаружили глиняную печь...

ными слоями. Действительно, в ряде мест находки (угольки, отщепы, керамика) были под глиной или между глиной. Один пакет находок взят как раз из такого залегания.

Но впоследствии вдруг обнаружили глиняную печь для копчения рыбы, и все сразу приняло другой вид; стало ясно, что глина составляет какую-то конструкцию. Стали зачищать ее, и выступили какие-то стены и очаги — в целом нечто напоминающее остатки слегка углубленного в землю жилища. К сожалению, не раскопали всю площадь этого жилища. Начался спад воды в озерной протоке, и мы должны были выбираться из озера, пока оно не стало нам ловушкой.

Выбрались из озера по быстро мелевшей протоке почти волоком и благополучно вернулись в Мухоморное.

На мысовидном выступе высокой, 10—12-метровой террасы правого берега реки Эньмуваам, неподалеку от Мухоморненской метеостанции в поверхностном буром суглинке собран неолитический материал: острый лавролистный оббитый с обеих сторон нож или наконечник копья из серого кремня, 5 обсидиановых отщепов, 11 отщепов из красного кремня, 5 халцедоновых и 16 из серого кремня и осколок трубчатой кости.

20 августа.

Только что простились с нашими шовыми друзьями — Вальварой и его женой. Хорошо поработал у меня Вальвара, добросовестно. Я подарил ему свой составной котелок, который ему очень нравился. На прощанье устроили дружеское чаепитие в его палатке. Жена Вальвары вытащила из мешка и подала мне новые красивые торбаза.

— Это мой подарок тебе!

Пять дней мы поработали на Чировой сопке. А теперь идем обратно вниз по Эньмувааму и далее по Белой к Усть-Белой.

— Вернешься еще, — сказал старик Алин, когда я, уже простившись с Вальварой, вернулся в его палатку за забытыми вещами. — Такая старая примета есть.

Заводим мотор, машем руками и шапками на прощанье.

— Счастливого пути!

— Счастливо оставаться!

...Чуть выше Усть-Двух прошли скалу красного камня, на правой стороне слегка поросшую очень низкой растительностью.

20 августа.

В дождь поднялся на вершину с зубчатым, как средневековая крепость, каменным гребнем. У выхода скалы-гребня — площадка из бурой земли и крупной редкой щебенки. Отщелов не видел, желательнее еще осмотреть. Перспективны соседние бугры.

Все косы затопило. Наверно, Эльгыгытгын дал воду. Залиты все бечевники.

21 августа.

На обед остановили лодку у горы Камешок. Бечевник, на котором мы останавливались, когда шли вверх, залило водой. Причалили прямо к скале. Пока дежурные Володя и Вася Терелькут готовили обед, мы вместе с Васей Истрашкиным и Витей Кавой шурфовали под каменными кладками на щебнистой вершине этой горы.

Под двумя мелкими кладками, которые меня заинтересовали своими врытыми на ребро плитками, ничего, кроме глины со щебнем, не нашлось. Правда, можно было копать глубже. Зато под третьей, наиболее определенной круглой оградкой из плит диаметром 80 см на глубине 40 см оказались отдельные угли в глине; сверху большие обломки камня. Значит, это были не природные образования, как можно было думать, а очаги.

27 августа.

В Усть-Белую пришли вечером 21 августа. Мотор после горы Камешок так и не завелся, пришлось поработать веслами.

На другой день с помощью усть-бельских колхозников начали раскопки на горе. Раскопали курган № 12. В трех местах на глубине 20—30 сантиметров попались обломки человеческих костей, чуть глубже — человеческие зубы, а рядом с ними — много наконечников стрел и клыки медведя.

29 августа.

Итак, мы уже восемь дней в Усть-Белой. Вчерашний и сегодняшний день оказались особенно удачными. Еще позавчера я заложил шурф в кургане № 9 в его северо-западной стороне, на месте небольшой, заросшей травой впадины. За этим шурфом я наблюдал с особенной надеждой и волнением. Вскоре оттуда была извлечена нижняя челюсть человека. После этого все наши рабочие-чукчи были направлены на этот курган. Надежды мои оправдались: в узком пространстве между останцом и двумя-тремя большими глыбами оказались останки человека, погребенного ногами на север, присыпанного сверху красной охрой. Правда, кости сгнили, череп очень разрушен. Но зато богатый набор вещей, целый охотничий арсенал. И — теперь это уже не новость! — медвежьи клыки снизу и сверху у черепа (невольно вызывающие в памяти таежный сибирский культ медведя) и захороненная россомаха в непосредственной близости от него, в верхней части кургана, над костром (россомаха всегда пользовалась особым почетом у чукчей).

Но самой удивительной находкой был здесь наконечник поворотного гарпуна. Он лежал на груди покойника вместе с большим бронзовым резцом, возле которого сохранился клочок медвежьей шерсти, и рядом с длинной ножевидной пластинкой.

Кроме того, в разных местах могилы оказалось много других типично неолитических каменных изделий: обсидиановый, кремневый и два халцедоновых наконечника от стрел, несколько скребков, пять двусторонне ретушированных прямоугольных вкладышевых лезвий из халцедона вместе с остатками деревянной оправы, кремневый наконечник копья, каменный топорик, костяная затычка от гарпуна надувного поплавка, скребки, отщепы. А глубже, под погребением, на самом дне каменного ограждения могилы, в глинистой, окрашенной охрой земле неожиданно обнаружился целый клад из очень большого количества каменных отщепов, скребков, наконечников стрел, резцов, еще двух топориков и двух плоских шиферных инструментов.

Рабочие копали с большим энтузиазмом. Помогали мне и двое ребят-добровольцев — Вася и Юра. Они просто поразили меня своей настойчивостью. Несмотря на жестокий холод и ветер, они до вечера рылись в обнаруженном погребении, помогали мне извлекать из отвердевшей глины многочисленные отщепы, наконечники, скребки и прочие вещи из кремня и обсидиана.

Тщательно улаковываем все наши драгоценные находки.

Погребение под усть-бельским курганом № 9:

1 — наконечник поворотного гарпуна; 2 — бронзовый резец; 3 — обсидиановая ножевидная пластинка; 4 — каменный наконечник стрелы; 5 — каменный топорик; 6 — халцедоновые вкладышевые пластины; 7 — отщепы; 8 — скребок.

Самый древний в Азии и Америке костяной наконечник поворотного гарпуна из Усть-Бельского могильника (2/3 н. в.)

особенно самую замечательную из них — рассыпающийся от ветхости поворотный наконечник гарпуна. Жаль, что придется кончать такие интересные раскопки. Еще не вскрыто четыре кургана, но надо ехать в Анадырь.

30 августа.

Сегодня встретил меня на улице Иван Зиновьевич Никулин, чуванец преклонных лет.

— Хочу с вами познакомиться, — сказал он мне, подавая руку.

Уселись на бревно, и Никулин рассказал мне о местонахождении следов древнего побоища на реке Чиневеем, то есть как раз то, о чем я давно безуспешно пытался узнать подробнее после беглого сообщения И. А. Некрасова.

Никулин рассказал, что он видел когда-то на сопочке, вроде Чирового бугра, в яме железный наконечник копья с остатками древка. Сопочка частично поросла кустарником. Она находится на правом берегу реки Чиневеем, в 2—3 километрах от ее устья. Речка впадает в Анадырь в 8 километрах от Усть-Майна слева. От Усть-Майна надо держаться все время правой руки, чтобы найти устье этой речки, первой от Усть-Майна. В том месте, кроме этой невысокой (до 8 м) сопочки, имеется еще и другая, на болоте. Она выше, с двумя вершинками. При случае неплохо бы туда заглянуть. Никулин предлагает себя в проводники. Проводник он неплохой, опытный. Недаром ведь он внук Василия Захаровича Никулина, жившего 120 лет, подновившего известный деревянный крест со старославян-

ской надписью возле старых землянок на левом берегу Анадыря, чуть ниже Усть-Белой.

После беседы с Никулиным я взобрался на хребет к могильнику. Тщательно снял планы со всех курганов, а также прове-

рил еще раз разрезы раскопов, сфотографировал все и даже немного покопал. В каменной дощине кургана № 9 отвалил нижний камень в самом углу под боковой плитой и в глине нашел под ним еще один черепок и зеленый кремневый отщеп. Еще раз внимательно осмотрел весь могильник. Вспомнилось, как в 1956 году впервые пришла догадка: здесь древнее, необычайно своеобразное кладбище! До сих пор не забылось то острое ощущение, которое охватило тогда меня при виде курганов, самых настоящих курганов, ясно проступающих при вечернем освещении среди камней, беспорядочно разбросанных на плоской голой вершине. Догадка, а затем везающее, как озарение, убеждение, что это действительно первый древний могильник континентальной Чукотки! Только археолог поймет приподнятое настроение, охватившее меня в те минуты. А потом два сезона безуспешных поисков и почти полное отрицание этой догадки. Ни в 1956, ни в 1957 году здесь не удавалось обнаружить погребений, курганы оказывались не могильными, а какими-то непонятными ритуальными сооружениями. И только 1958 год дал ясную картину — под курганом № 8 было найдено четыре захоронения, в этом же году признаки захоронений были обнаружены в каждом раскопанном кургане. Так подтвердился закон отрицания отрицания: первое интуитивное впечатление оказалось правильным.

Это древнее кладбище надо раскопать полностью непременно в нынешний сезон. Придется вернуться сюда через недельку из Анадыря.

23 сентября.

Вчера утром производил последние раскопки в Усть-Белой, а уже днем того же дня караваном на катере «Сиваш» отошел из Усть-Белой вниз по Анадырю.

Раскопки в Усть-Белой за текущую неделю в целом не безрезультатны: остатки двух разрушенных погребений в кургане № 15, в том числе обломки черепа, и возле останца № 18 — следы совсем сгнившего скелета (сохранился только эпифиз бедра и охра на глубине полуметра), множество изделий из камня. После этой последней находки можно считать, что захоронения возле Усть-Белой отнюдь не связаны с курганами, а совершались и просто возле скальных останцов. Ведь и в курганах они, как правило, под камнями останцов.

Все 15 усть-бельских курганов раскопаны, но там можно продолжать раскопки; возле останцов и под задернованной поверхностью. А таких участков на могильном бугре немало.

Истоки неолитической культуры на Чукотке

Наши поиски по следам древних костров континентальной Чукотки еще далеко не кончены. Они будут продолжены в течение ближайшего ряда лет. Но и теперь можно сказать много нового о тех неведомых племенах новокаменного века (неолита), которые распространялись с юга по Чукотке и Северной Америке.

Три-четыре тысячи лет назад все новые и новые костры охотников и рыбаков загорались то в одном, то в другом месте бескрайней тайги Сибири и в тундрах Северо-Восточной Азии. Именно тогда, при наиболее благоприятных климатических условиях, происходило самое интенсивное освоение Чукотки и всего азиатского Крайнего Севера.

При этом расселение людей из центральных, а ранее, вероятно, даже из юго-восточных областей Азии по огромным пространствам тайги и тундры происходило не в результате каких-то больших организованных походов или переселений на дальние расстояния, а путем естественного и непрерывного отпочковывания небольших человеческих групп и освоения ими соседних нетронутых охотничьих угодий. Это был весьма длительный процесс, и ничто не могло препятствовать такому медленному, но неуклонному и поистине безграничному расселению человечества. Охотнику все равно куда двигаться, лишь бы не оказалось на пути непреодолимых природных препятствий и был зверь для охоты. Его не страшит даже перемена климата, которая при медленном вековом движении почти не осознается.

В конце концов к II тысячелетию до н. э. довольно однообразная материальная культура охотников и рыбаков распространилась и по всей Чукотке, и далеко на запад и восток от нее — от Таймыра до Гудзонова залива и даже до Гренландии.

Предварительное изучение материалов экспедиции позволяет уже сейчас выделить на Чукотке четыре территориальных, отчасти разновременных варианта культуры этих арктических охотников и рыбаков: Усть-Бельский, Амгуэмский, Нижне-Анадырский и Майнский.

Археологическую датировку подтверждают физики

Самую древнюю и наиболее обширную группу исследованных нами в 1957—1959 гг. памятников относим мы к Усть-Бельской континентальной культуре, названной так по Усть-Бельскому древнему могильнику — самому значительному и

яркому памятнику. К этой культуре должны быть причислены, кроме того, многие стоянки по среднему Анадырю и на озере Чировом; близки к ней древние стоянки на острове Айон и по Амгуэме. Для этой древней культуры характерны многочисленные наконечники стрел, ножевидные пластинки, нуклеусы, резцы, скребки, мясные ножи, изготовленные из черного стекловидного камня — обсидиана или кремнистых пород техникой тонкой оббивки и отжима, а также тонкая лепная глиняная посуда с незатейливым бороздчатым узором. Примерная дата этих стоянок, судя по известным аналогиям на Нижней Лене и Аляске, — II—I тысячелетия до н. э.

Именно эту дату, основанную на сугубо археологических соображениях, блестяще подтверждают ленинградские физики — С. В. Бутомо и др. Новейшим радиоуглеродным методом (по C—14) определяют они возраст углей из древнего костра в верхней части одного из усть-бельских курганов (№ 15). Углям 2 860 лет от нашего времени с допуском плюс—минус 95 лет, что соответствует самому началу I тысячелетия до н. э. Наиболее глубокие слои в этих курганах, разумеется, должны быть еще более древними (конец II тысячелетия до н. э. и ранее).

Не бродячий образ жизни, а оседлость

До сих пор принято было считать (А. П. Окладников и др.), что древняя континентальная культура Чукотки принадлежала бродячим охотникам и рыбакам — предкам юкагиров.

После наших исследований эта культура (в ее усть-бельском варианте) предстала в несколько ином свете. Она оказалась, как мы увидим дальше, значительно более развитой и сложной и отнюдь не только древнеюкагирской. Выяснилось также, что население континентальной Чукотки вело в то время значительно более оседлый образ жизни, чем предполагалось прежде. На стоянках рассматриваемого периода часто встречались обломки очень тонких глиняных сосудов, и уже это убеждало нас в известной оседлости обладателей такой хрупкой посуды, которая была бы очень неудобной при так называемом бродячем образе жизни. Наличие довольно значительных культурных слоев в тех случаях, когда геоморфологические условия способствуют нарастанию почвы (как на стоянке на берегу озера Чирового или на берегу Анадыря возле поселка Снежное и против устья реки Танюрера), или просто обилие следов человеческой работы на поверхности там, где почва не нарастает (Усть-Бельская стоянка), еще более убеж-

дает в известной оседлости интересующих нас обитателей Чукотки. Наконец, само расположение стоянок у сезонных (осенних или весенних) оленьих переправ через реки (Усть-Белая, Камешки, Увеснования, Утесики, Вилка, Чикаево и др.) или на берегах обильных рыбой озер (Чировое, Эльгыгытгын) хорошо объясняет, чем могла поддерживаться такая довольно устойчивая оседлость: охотой на оленей, рыбной ловлей, а летом собирательством. Обитатели нижнего и среднего Анадыря охотились, как мы увидим дальше, и на ластоногих — лахтак-ков и нерп.

Особенно наглядную картину сравнительно оседлого быта континентального населения Чукотки дали наши раскопки стоянки на берегу озера Чирового. Кроме каменных наконечников стрел, топоров, скребков, отщепов, костяных зубцов от острог на рыбу и расколотых оленьих костей, там попадались также и большие скопления тонких глиняных черепков посуды. Мало того, в довольно толстом (до 0,5 м) культурном слое этой стоянки оказалась даже глиняная печь вполне стационарного типа для копчения рыбы и несколько хозяйственных ям для хранения мяса.

Думается, что реконструируемая подобным образом оседлость часто была «не от хорошей жизни», а вызывалась и поддерживалась отсутствием необходимых транспортных средств, невозможностью в условиях голой холодной тундры быстро и часто заново обзаводиться жильем. На Чукотке нарты, упряжные олени и собаки появились сравнительно недавно. И если внезапно истощались охотничьи и рыбные угодья, это нередко влекло за собой голод и смерть для всего населения. Вымирали порой чуть ли не целые племена, как это случилось, например, с юкагирами, когда дикие олени, на которых они охотились, неожиданно изменили маршрут своих сезонных миграций. Юкагиры не имели возможности идти в погоню за кочующими по тундре стадами животных, как не имели такой возможности древние обитатели Чукотки до возникновения у них оленеводства или хотя бы такого упряжного собаководства, какое имеется у эскимосов-карибу арктической Америки.

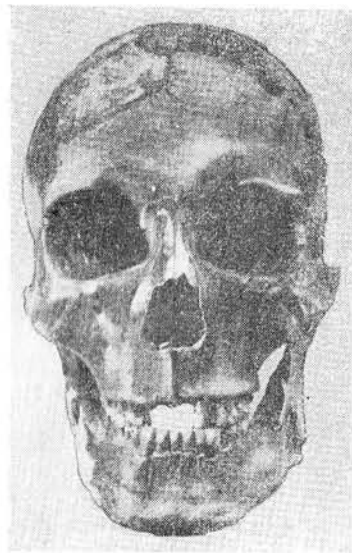
Некоторая оседлость, наличие более постоянных поселений не исключали, разумеется, передвижений отдельных охотников налегке, без семей, с промыслово-охотничьими целями или в поисках сырья для изготовления орудий. Поэтому встречаются на Чукотке стоянки с ничтожным количеством производственных и культурно-бытовых остатков и так называемые «мастерские». Быть может, были и передвижения отдельных се-

мейно-производственных или даже родовых групп в их полном составе, но подавляющая часть населения всегда жила более оседло в благоприятных местах континентальной Чукотки. Таким образом, нельзя считать все неолитическое континентальное население этой страны абсолютно бродячим.

Чьи предки охотники и рыболовы II—I тысячелетий до н. э.?

На этот вопрос отвечает череп, обнаруженный в кургане № 8 Усть-Бельского могильника, — самый древний из когда-либо раскопанных на Чукотке и вообще на Дальнем Востоке. Прележав в земле около 3 тысяч лет, он довольно хорошо сохранился. Весной 1959 года, через год после извлечения из кургана, он был доставлен в Ленинград к антропологу И. И. Гохману. Молодой ученый с волнением (ведь это пока единственный череп континентального неолита Чукотки!) приступил к работе. Он полностью реставрировал череп и самым тщательным образом измерил его. Оказалось, что череп при-

надлежал мужчине 35—40 лет, который имел плоское, высокое и широкое лицо со слабо выступающим носом, что характерно для монголоидов и само по себе не представляет ничего особенного. Стремясь определить для этого черепа расовый тип второго порядка, антрополог И. И. Гохман столкнулся с неожиданным фактом: череп сочетает признаки арктической расы (долихокrania, высокое лицо, длинный нос, малое выступание носовых костей) и в меньшей мере — байкальского типа североазиатской расы (прямой профиль — ортогнатность). В целом череп близок не столько к юкагирам (байкальский тип), сколько к оленным чукчам. При этом он резко отличается от древних черепов соседней Якутии (Бугучан и Туой-Хая).

Череп из Усть-Бельского кургана после реконструкции.

Так выглядел человек, погребенный в Усть-Бельском кургане № 8. (Реконструкция Г. В. Лебединской).

Таким образом, результаты измерений черепа из Усть-Бельского могильника заставляют по-новому подходить к решению проблемы происхождения народностей Чукотки. Вопреки прежним предположениям археологов (А. П. Окладников) и антропологов (М. Г. Левин), оказывается, что культура охотников и рыболовов, обитавших во II—I тысячелетиях до н. э. в чукотской тундре, принадлежала предкам не только юкагиров, а, вероятно, общим предкам и других народностей Северо-Восточной Азии и прежде всего оленных чукчей. Ученица известного антрополога-художника М. М. Герасимова — Г. В. Лебединская восстановила по усть-бельскому черепу лицо, и теперь в Анадырском музее можно увидеть, как выглядел человек, живший на Чукотке около 3 тысяч лет назад.

Бронзовый век — новая глава истории Чукотки

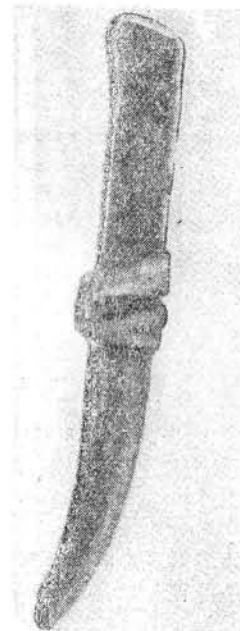
В погребениях Усть-Бельского могильника в 1958 и 1959 гг. были найдены впервые на Чукотке бронзовые изделия (по одному резцу в нижней могиле кургана № 8 и вместе с погребенным под курганом № 9, а также четырехгранное шильце в могиле № 2 кургана № 8).

Спектральным анализом обнаружен обычный для древней бронзы Сибири состав сплава этих изделий. Эти немногочис-

ленные бронзовые инструменты были обнаружены в окружении множества каменных вещей, типичных для поздних этапов неолита Прибайкалья, Северной Якутии и континентальной Чукотки. Очевидно, употребление бронзы на Чукотке вошло в обиход только под конец культуры континентального неолита, ознаменовав тем самым распространение на Крайнем Северо-Востоке сибирского, в частности, нижнеленского бронзового века. Наличие в едином комплексе (как это бесспорно устанавливается в ряде погребений Усть-Бельского могильника) разнородных в хронологическом отношении вещей (неполностью ретушированных наконечников стрел из пластинок, американоидных острий типа «Денби» и наконечников стрел прибайкальских и якутских типов) еще раз свидетельствует о длительном переживании на Крайнем Северо-Востоке многих очень древних традиций, как выработанных здесь, так и воспринятых на ранних этапах на юге, западе и востоке.

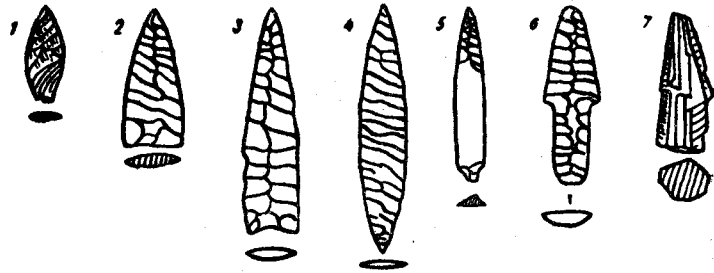
Оказавшись на перекрестке важнейших межконтинентальных путей, внутриматериковая культура Чукотки с самого начала развивалась в условиях широких межконтинентальных связей, которые были следствием относительно сходного образа жизни охотников, рыболовов и собирателей в Старом и Новом свете в дометаллургическую эпоху. Эти широкие культурные связи охватывали тогда весь север и восток Азии, включая Чукотку. Основой их было общее для южных и северных районов Сибири охотничье-рыболовецкое хозяйство.

Именно культурными и, возможно, этническими связями со значительно более южными районами Восточной Азии объясняется наличие здесь и характерной сетчатой керамики, и многих видов наконечников стрел, и резцов, и белонефритовых колец, и мелких раковинных бус, а также широко распространенных в неолите по всей тихоокеанской полосе Азии (включая Прибайкалье) прямоугольных в сечении топоров и тесел (все это обнаружено в Усть-Бельском могильнике). Тес-

Бронзовый резец из Усть-Бельского кургана № 9.

ные связи ясно видны и с якутским неолитом и ранней бронзой. Они усматриваются в общем облике кремневого инвентаря.

Каменные изделия континентального неолита Чукотки (1/2 и. в.):

1, 2, 3 — наконечники стрел из усть-бельских курганов; 4 — американское острие типа «Денби»; 5 — неполовностью ретушированный наконечник стрелы, сделанный из пластинки; 6 — наконечник стрелы с острова Айон; 7 — нуклеус с реки Амгуэмы (102-й км).

ря, особенно наконечников стрел. Результатом и вместе с тем апогеем этих связей явилось распространение на территорию Чукотки бронзовых изделий, что поставило Чукотку по уровню культурного развития в ряд с другими областями Южной Сибири.

Начало вековой изоляции, или как произошло „закрытие“ Америки и Северо-Восточной Азии

Но скоро положение на Северо-Востоке резко изменилось. На юге Азии совершались события, имевшие большое значение для истории Крайнего Северо-Востока. Огромный мир охотников, рыболовов и собирателей давно уже не был единственным на земном шаре. В долине Нила и Месопотамии и других местах Ближнего и Дальнего Востока, вплоть до Китая, начиналась заря другой жизни: от собирания готовых продуктов природы люди переходили к их производству, стали заниматься земледелием и скотоводством.

Этот процесс распространился и далее на север, захватив тундрово-степную долину верхней и средней Лены, подойдя почти к самому полярному кругу — пределу возможного в те времена распространения высококоразвитого скотоводства.

Переход населения к скотоводству и земледелию резко сократил стимулы его расселения по континенту на северо-восток, в тайгу и тундру, за среднененские степи. Тогда прекратился и приток бронзы на Чукотку.

Именно с этого времени должен был начаться длительный (вплоть до Колумба и Дежнева) период относительной изоляции от культур Старого света не только всего Крайнего Северо-Востока, но и Америки.

Весьма знаменательный признак этого явления можно усмотреть уже в том, что бронзовый век, достигнув Чукотки, не перешел через Берингов пролив в Северную Америку. Это свидетельствует об определенном этапе закономерного сокращения связей, направленных из континентальной Азии в Америку. В дальнейшем, в раннем железном веке, эти связи еще более сокращаются. Постепенно Чукотка, весь Крайний Северо-Восток, а не только Америка выключаются из постоянного контакта со все более прогрессирующими скотоводческо-земледельческими континентальными культурами Восточной Азии. Начинается нечто вроде своеобразного «закрытия» Америки и примыкающих к ней северо-восточных областей Азии, в которых сохраняется охотничье-рыболовецкий быт. Наступает значительный перелом в развитии связей между Старым и Новым светом, сущность и значение которого нельзя недооценивать.

Замкнувшиеся в своей природной зоне древние цивилизации до смехотворного мало знают в этот период о Севере и Северо-Востоке Азии. Воображение древних греков населяет эти далекие земли мифическими гиперборейцами. Древние китайцы полагают, что там живут люди с лошадиными ногами (очевидно, это отголоски проникавших в Китай слухов о якутах-конниках).

Слухи об огромных лежбищах ластоногих и диковинных безусых нерпах, поразительно похожих своими любопытными мордочками на людей, дают японцам повод считать, что где-то на Севере обитают народы, сплошь состоящие из женщин. И даже значительно лучше осведомленные о Севере арабы еще в XIII веке и позже населяют по традиции неведомые северо-восточные полярные страны «Седьмого климата» фантастическими яджуджами и маджуджами — страшными чудовищами, имеющими по четыре глаза (по два на лбу и два на груди), покрытыми шерстью, с усами, свисающими до плеч, и издающими звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист.

Изоляция Северо-Востока и Америки, разумеется, никогда не была абсолютной. Сокращение стимулов переселений и связей из континентальной Азии вследствие возникновения там высокоразвитых типов хозяйства, скотоводства и земледелия отнюдь не исключало периферийных путей распространения культуры и переселений вдоль океанских берегов. По великому тихоокеанскому пути и раньше, в неолите, несомненно, шло проликиновение на Северо-Восток многих южных элементов культуры, в том числе, вероятно, и обнаруженных на Чукотке прямоугольных в сечении тесел и топоров. Оживление связей по этому пути приводит к появлению на северных чукотских и аляскинских берегах Тихого океана некоторых особенностей (криволинейной орнаментации и др.) в древнеберингоморской и других новоэскимосских культурах, которые, как мы дальше увидим, развивались в основном самостоятельно.

По этому же пути проникало, хотя и в малых дозах, к древним эскимосам и железо, использовавшееся ими для изготовления косторезных резцов, без которых, как убедительно доказал С. А. Семенов, они не могли бы вырезать наконечники для своих гарпунов.

Во внутренних районах Чукотки у древних ее обитателей железо, однако, еще не обнаружено: ослабление континентальных связей привело здесь, по-видимому, к полной утрате техники обработки металлов и надолго вернуло население от начинавшегося бронзового века к веку камня.

В этих условиях и на Чукотке, и на Аляске, и в Охотском крае распространяются своеобразные, так называемые расщепляющие каменные тесла, округлые в поперечном сечении, с конусовидным острым концом, как у боевого топора, — в некотором роде подражание киркам и мотыгам из моржовых клыков. На Чукотке к этому периоду вырабатываются свои формы посуды, все еще глиняной, часто со штамповыми оттисками, восходящей к керамике позднего бронзового века Якутии. К этой новой культуре относится группа стоянок, обнаруженных в долине Анадыря и по реке Майну (Усть-Майнская левобережная, Вакерная и Чикаевская), расположенных на косах, за исключением последней, находящейся на 8—12-метровой террасе, но все равно над косой. Особенно обильный материал дали раскопки Чикаевской стоянки, довольно мощный культурный слой которой, вскрытый нами на площади в 324 квадратных метра, сохранил остатки культуры. Здесь были найдены каменные топоры, расщепляющие тесла, наконечники стрел,

скребки и многочисленные отщепы и осколки глиняной посуды. Вероятно, на стоянках этой оригинальной, бесспорно оседлой культуры жили не столько охотники, сколько рыболовы. Не исключено, что это и были предки юкагиров. Вернувшийся снова каменный век безраздельно господствовал почти по всей Чукотке вплоть до XVII века. Но и в этих тяжелых условиях изоляции и преобладания отсталой техники каменного века, несмотря на невероятно тяжелые природные условия, на Чукотке шел свой прогресс — поступательное развитие производительных сил и производственных отношений.

ПО МОРСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ЧУКОТКИ — К ПРЕДКАМ ЭСКИМОСОВ И БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ

Существенный прогрессивный сдвиг в истории Чукотки этого периода совершился на морском побережье. Примерно две тысячи лет назад в зоне Берингова пролива после нового значительного похолодания распространилась необычайно своеобразная высокоразвитая культура морских зверобоев — предков эскимосов и береговых чукчей. В своем развитии она прошла здесь, как известно, три этапа: уэлено-оквикский, древнеберингоморский и (примерно с VII по XV век) пунукский, — названные так по местонахождениям наиболее типичных для них памятников.

Каждый из этих этапов распознается теперь прежде всего по формам костяных поворотных наконечников гарпунов — основного орудия промысла морского зверя — и по стилю художественной резьбы на них и на других костяных изделиях. Стиль этот, сначала подчеркнута лаконичный, в древнеберингоморское время достиг особенного расцвета, являя изысканные, а затем уже просто обильные сочетания криволинейных узоров. На пунукской же стадии он резко упростился — стали преобладать узоры из прямых линий и кружков с точками внутри.

В течение всех трех этапов совершенствовался зверобойный промысел. Если сначала поморы охотились на моржей, лахтак и нерп, то в пунукское время, а может быть и несколько раньше, они научились уже бить китов, отважно выходя на своих кожаных байдарках в открытое море. К первым векам нашей эры относится крупнейшее поселение Ипиутак на мысе Хоп на Аляске. Это настоящий «город» из 800 землянок, в которых

жило не менее 4 000 охотников на морского зверя и на оленей-карибу. Более мелкие поселки этих оседлых зверобоев известны теперь по всему арктическому побережью Чукотки и Северной Америки вплоть до Гренландии, где и сейчас обитают эскимосы — наследники этой древней культуры, потомки ее зачинателей.

Вот уже 200 лет ученые пытаются узнать, откуда, почему в стране вечных льдов возникла такая своеобразная культура, такая изумительная жизнеспособность, такая поразительная художественная одаренность. Длительная борьба взглядов вокруг этой очень сложной эскимосской проблемы уже завершает на наших глазах свой путь диалектического отрицания отрицания. Если сперва (с конца XVIII до середины XIX вв.) господствовало предположение об азиатском происхождении древней берингоморской культуры, то затем (с конца XIX в.) наступила полоса увлечения различными гипотезами ее американского происхождения. С 1930 года в различных вариантах снова начинает преобладать первоначальное предположение. Причем одни (например, американский археолог Коллинз) считают, что предки эскимосов пришли к Берингову проливу с запада и юго-запада, другие (Окладников) отстаивают точку зрения, что они пришли с юга по Тихоокеанскому побережью. Наконец, имеется и такая группа исследователей (Мачинский и др., точку зрения которых разделяем и мы), которым представляется более вероятным, что древняя эскимосская культура приобрела свои характерные черты именно на Севере, а не была принесена туда какими-нибудь пришельцами в готовом виде.

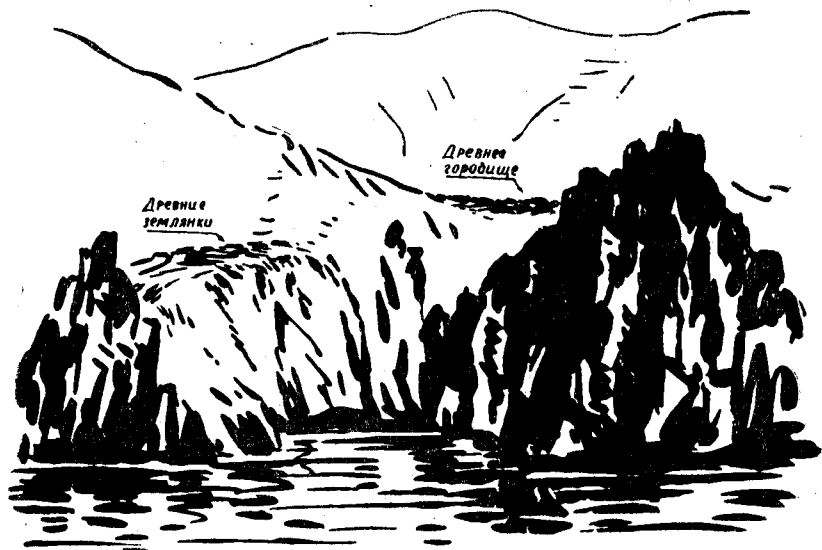
Наличие столь разноречивых точек зрения на данную проблему говорит о том, что, несмотря на длительную историю исследования, культура предков эскимосов известна до сих пор еще недостаточно. Поэтому наша экспедиция в первый же год направляет свои поиски в сторону Ледовитого океана и Берингова пролива.

Сенлун мстит археологам

16 июля 1956 года вместе с Сергеем Этекменом приехали мы на пароходе «Донец» в эскимосский поселок Наукан, чтобы отсюда отправиться в Уэлен к скале Сенлун. Я осмотрел и сфотографировал удивительные науканские жилища. Они до самой крыши обложены камнями, а сверху покрыты моржовыми шкурами. Познакомился со стариком Ияй, с работни-

ками метеостанции и инженером Б. Семеновым, соорудившим в Наукане маяк — памятник Дежневу.

На утро следующего дня мы с Сергеем отправились на вельботе дальше на север. Мимо проходят мрачные береговые утесы, и вельбот пробирается между плавающими льдами.

Скала Сенлун.

Мне показывают глубокий распадок. Здесь старый Наукан — место, которое не мог найти профессор С. И. Руденко, производивший первую археологическую разведку этих берегов в 1945 году. А дальше таинственный Сенлун — крутой уступчатый мыс. Еще дальше, перед самым Уэленом — Три брата — три островерхих камня стоят на некотором расстоянии от берега, в море.

И вот наш вельбот под крутым колодецеобразным склоном Сенлуна. При взгляде на эту кручу мне стало немного жутко: как мы туда заберемся — ведь это сплошная осыпь. Выгрузили наше снаряжение на крохотную полоску низкого, утыканного большими острыми камнями берега. Здесь и палатку поставить негде.

Вельбот ушел, и мы втроем — Сергей, проводник чукча Памье и я — остались на берегу. Я сразу же залез наверх, и

предо мной предстало городище, обрамленное низким каменным валом. Древние землянки этого городища были очень хорошо заметны. Среди каменных осыпей по склону сопки над городищем сразу же попались две деревянные пластины от лат и трубчатая человеческая кость — следы побоища, о котором еще в Анадыре в 1955 году рассказывал мне Сергей Этекмен. Когда пили чай, я записал легенду о битве со слов проводника Памье.

Люди, которые устроили в Сенлуе крепость, пришли из тундры. Они были оленеводами, кочующими чукчами.

Однажды зимой мимо этой скалы проходили якуняне, люди с запада. Они угоняли оленей. Те, что были наверху, стали готовиться к обороне: нагрузили нарты камнями и поставили их на краю обрыва. Один из них пустил стрелу.

Тогда проходившие мимо решили напасть. Они вскарабкались не со стороны моря, а через распадок, к северу от Сенлуна. Завязалась ожесточенная схватка. Бились копьями, луками и врукопашную. У якунян были железные наконечники стрел, у тех, что наверху, — костяные.

Пришельцы перебили всех. Уцелели только муж с женой; они спустились по тропинке с правой стороны крепости и по льду ушли на север.

Отпустив Памье домой, мы с Сергеем забрались наверх и до самого утра (благо, полярный день, можно работать и ночью) искали следы побоища. Наконец в земле на вершине обрыва попало какое-то мотыгообразное орудие из моржового клыка. Копнул глубже, а там череп! Сергеем посчастливилось найти четыре черепа и древко от копья: все это было запрятано среди камней крепостного вала в стороне от основного городища.

Следующие два дня мы снимали дерн внутри большого кольца (метров 7 в поперечнике) из врытых в землю камней. Здесь когда-то стояло большое наземное, вероятно, общественное жилище. В дерне попадались только глиняные черепки. Глубже шел чрезвычайно твердый мелкощебнистый грунт.

В осыпи по склону горы обнаружил и вскрыл еще два захоронения, оба под китовыми ребрами, в щелях между крупными глыбами. Человеческие кости располагались на разных уровнях, в беспорядке. Видно, их туда свалили уже после разложения трупа. Человеческий череп (в осколках) найден только в одной могиле. Как правило, кости не в комплекте, многих нет, ребра вовсе отсутствуют, встречены только трубчатые и черепные; и всюду они засыпаны мелкими камнями. Третье

захоронение обломков двух черепов вместе с древком копья обнаружено под китовой лопаткой.

В двух местах человеческие кости были обнаружены вместе с костяной мотыгой и обломком древка просто среди крупных камней.

Создается впечатление, что все эти погребения вторичные: со-державшиеся в них кости, вероятно, были собраны на поле битвы.

Между тем Сергей заболел. Мы успели с ним вдвоем раско-пать еще только одно погребение, нашли 3 черепа вместе с вы-резанными из моржовой кости фигуркой медведя и головой нерпы, украшенной поздним, пунукским орнаментом. После этого я отправил Сергея на попутном вельботе в уэленскую больницу.

Оставшись один, я занялся составлением плана городища и исследованием одной из маленьких землянок на соседней ска-ле. Попадались все новые и новые находки: каменные топоры, черепки, амулеты и пр. Постепенно вырисовывался план и осо-бенности своеобразного полуподземного жилища площадью около 7 квадратных метров, с решетчатым перекрытием из ки-товых ребер, нарами из моржовых лопаток, входом с восточной стороны и с очагом из камней в специальной нише справа от входа.

В работе шел день за днем. Началась непогода. Вельботы не останавливались у скалы Сенлун, а потом и вовсе их не стало.

Землянка была раскопана, я уточнил план городища, еще раз внимательно осмотрел могильник. А горы были уже в плот-ном белом тумане. Путь в Уэлен отрезан.

Ночью я проснулся от грохота. Переднюю часть палатки захлестнуло волной и прибило к земле. Вода хлынула, и со-склона посыпались камни.

Захватив свой спальный мешок, я вылез из палатки. Хлестал дождь. Ураганный ветер сбивал с ног. Холодные, как лед, кам-ни обжигали босые ноги. С моря надвигались огромные волны. С трудом прицепился я к более высокому месту на сползающих камнях, натянул на себя мокрый мешок, съежился в нем, ста-раясь согреться.

Как долго шло время!

На затянутом тучами небе появился маленький клочок ла-зури. Сколько радости и надежды он мне принес! Я даже зас-нул. Наконец наступило утро. Медленно поднималось солнце. Днем я обсушился, обогрелся. От палатки, кроме колышка с

концом веревки, ничего не осталось. Не осталось и никакой пиши. Я знал, что без пищи можно прожить много дней. Надо только соблюдать режим: по пол-литра воды в день и хотя бы холостые жевательные движения.

Вода сбегала со склона рядом, а толстые красные водорос-ли, жесткие и соленые, для употребления вместо американской жвачной резинки вполне пригодны. Главное — внушение. Толь-ко от страха и самовнушения люди гибнут на седьмой-восьмой день. Я это прекрасно знал и чувствовал себя великолепно.

Надо просто запастись философическим терпением и вы-держкой.

Волны стали между тем меньше, море медленно отступало.

У меня было достаточно времени, чтобы изучить природу волн и их периодичность. Мне удалось заметить, что в период укладывается не 9 волн, как принято считать, а 8—10. Значит, знаменитый девятый вал имеет весьма условное значение.

Я потерял счет дням, хотя часы заводил регулярно.

Кажется, только на пятый день резко отодвинулась линия приобья.

Как-то, проснувшись, я собрался уже ползти в своем мешке к ручью попить воды, как вдруг из-за скалы со стороны Наука-на показался вельбот. Я вылез из мешка и стал размахивать над головой его белым вкладышем. Вельбот круто повернул к берегу. Двое эскимосов выскочили на камни, подтянули вель-бот, и я, захватив в охапку свой спальный мешок, прямо по во-де добрался до вельбота.

Я сказал, что семь дней ничего не ел, но в вельботе пищи не оказалось. Зато одели меня тепло. Хухутан дал свои торбаза, на плечи мне накинули плащ.

И вот Сенлун уже не виден. Впереди знакомые Три брата, а затем уэленская коса.

Меня встретил Игорь Петрович и увел в больницу, хотя я был весел и бодр. Больничной койки я избежал, однако без «подкормки» — введения в кровь глюкозы не обошлось. Но более приятной была для меня самая обычная подкормка в виде доброй миски щей, после которой я почувствовал себя вполне готовым к продолжению раскопок.

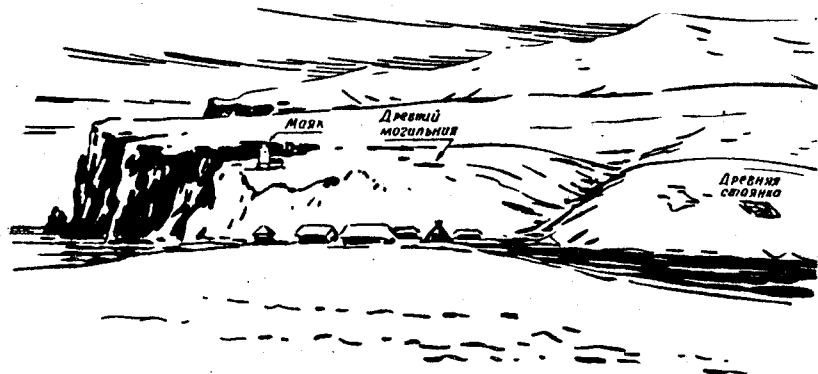
Раскопки Уэленского могильника

И. П. Лавров настойчиво советовал мне заняться исследо-ванием древнего уэленского кладбища, которое было обнару-жено совсем недавно. Один из уэленских жителей, А. Т. Сим-

бирский, обнаружил там и принес в Уэленскую косторезную мастерскую несколько костяных предметов с характерным древнеберингоморским орнаментом. При рытье траншей в том месте были найдены и отдельные человеческие кости. А вскоре после этого учитель Д. А. Сергеев со школьниками обнаружил там остатки человеческого скелета с обильным погребальным инвентарем.

Расположение древнего кладбища весьма удачно: на краю скалистого прибрежного уступа предгорной холмистой возвы-

Вид на древний Уэленский могильник.

шенности, как раз над тем местом, где начинается галечниковая уэленская коса. Отсюда открывается широкий вид на косу, лагуну и море. У подножия скалы ручей. Им пользовались и в древние времена, когда здесь располагались становища и поселки уэлено-оквикского и более поздних времен, обнаруженные и исследованные С. И. Руденко еще в 1945 году. Наиболее древнее, уэлено-оквикское стойбище располагается у спокойных вод лагуны на склоне той же возвышенности, но за оврагом, в нескольких стах метрах от могильника; другое, пунукского времени, сохранилось в виде больших бугров от прежних землянок у подножия возвышенности на галечниковой косе, отделяющей лагуну от моря — как раз в том месте, где сейчас уэленский чукотский поселок.

Могильник находится на чуть заметном бугре площадью около 300 квадратных метров, на самом сухом месте, покрытом более чем метровым слоем рыхлого делювия из супеси вперемешку со щебенкой. Поверхность почвы в этом месте задернована. Заметны выступающие из нее в разных местах китовые

кости, преимущественно ребра и нижние челюсти, уложенные плашмя; камни, а кое-где каменные плиты, врытые на ребро. Одна группа таких врытых в землю плит оказалась ограждением трех могил, расположенных тесно одна возле другой и устроенных почти так же, как известные плиточные могилы Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века. В пяти метрах к северо-востоку от этой группы могильных оград лежит углубленный одним концом в землю продолговатый камень длиной 1,1 метра. Местные чукчи называют его «старуха-камень». Любопытно, что примерно в 100 метрах к северу от этого камня, на самом краю скалистого обрыва, торчит из земли в наклонном положении «старик-камень» — широкая плита высотой 1 метр, шириной 85—60 сантиметров, толщиной 20—25 сантиметров. Он подперт другим, специально врытым для этого в землю камнем. К востоку, несколько в стороне от могильного бугра, на задернованной поверхности выложено кольцо из медвежьих черепов хорошей сохранности.

С целью разведки границ могильного поля мы предприняли раскопки по краям бугра с юго-западной и северо-восточной его сторон.

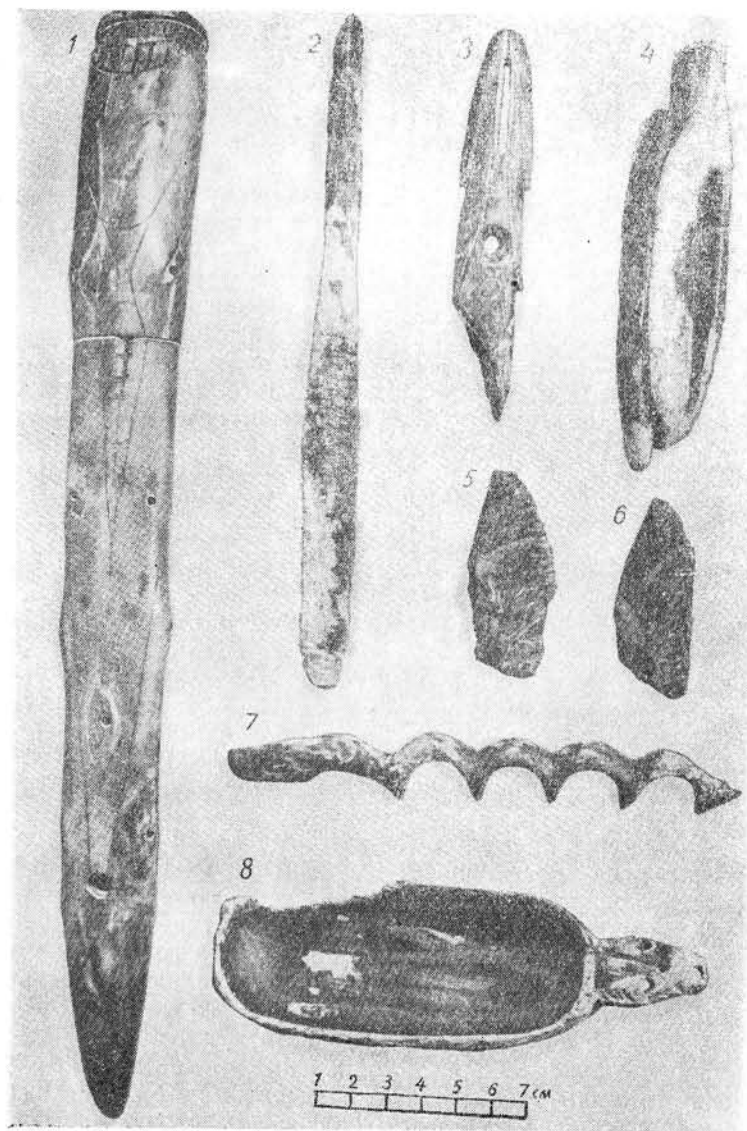
На юго-западном краю бугра уже в дерне стали попадаться разрозненные человеческие кости от трех скелетов, в том числе три черепа. Кости ног двух, а также и кости рук одного скелета располагались в анатомическом порядке. Под костями ног лежали плашмя две моржовые лопатки. Благодаря этому можно заключить, что покойники были погребены на моржовых лопатках. У южной стенки раскопа на глубине 30 сантиметров, то есть несколько глубже скелетов, был обнаружен еще один костяк небольшого роста, лежащий на спине с вытянутыми ногами головой на запад, но лопаток морзверя под ним не было. Возле его левого плеча лежал женский нож из глинистого сланца для обработки шкур, а несколько ближе к отдельному черепу — наконечник кирки из моржового клыка — орудие, которыми могли копать и эту могильную яму.

Раскопки западной половины вскрытой площади под разрозненными скелетами, произведенные на глубине более 1 метра, до щебня, не дали больше никаких находок. В восточной же половине уже в дерне попадались ребра лахтака и моржа, а на глубине 60 сантиметров под каменной плитой лежал скелет человека, погребенного по значительно более древнему обряду: в отдельной грунтовой могиле без плиточного обрамления.

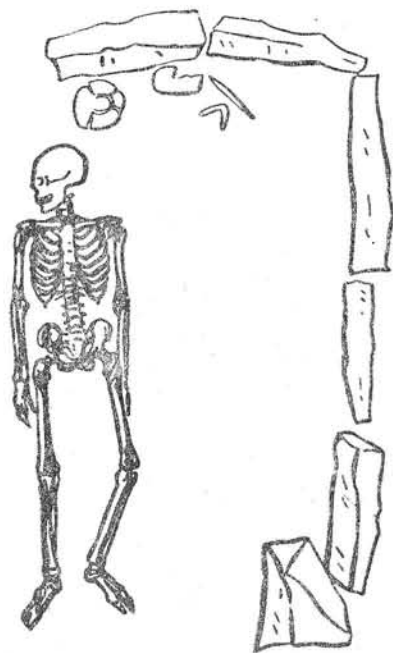
Скелет лежал навзничь в щебенчатой земле, черепом на восток. Ноги его были вытянуты, руки слегка согнуты. Среди

его обгоревших ребер находилось несколько каменных скребков, три нуклеуса и отщепы, а также два больших ударных нуклеидных орудия из обсидиана. Справа, возле плечевой кости, длинный костяной стержень с боковыми выемками для вставных каменных лезвий (вкладышевый наконечник копья), а в стороне от левой плечевой кости — орнаментированный в уэлено-оквикском стиле роговой лучок от прибора для добычания опия сверлением. На тазовых костях плашмя лежал большой нож из глинистого сланца, расколотый надвое. Он был сломан нарочно, чтобы его «душа» наверняка попала на тот свет к душе его хозяина-покойника. Между бедренными костями находился меньших размеров нож из глинистого сланца и скопление мелких кремневых халцедоновых и обсидиановых изделий: наконечники стрелы, три скребка, четыре ретушированных ножевидных пластинки, проколка из глинистого сланца и миниатюрное вкладышевое лезвие поворотного гарпуна из кремнистого сланца, а также клык медведя и поделка из оленьего рога для завязывания поплавков (пых-пых) из нерпичьих шкурок. Самое большое скопление различных каменных и костяных изделий было обнаружено между берцовыми костями. Оно располагалось полосой поперек ног, начиная от уровня колен и ниже, и было перекрыто обрывками бересты от истлевшей берестяной сумки. Часть этих вещей — два поворотных наконечника от гарпунов, каменный наконечник копья и скребло — лежала под берцовой костью. Следовательно, покойник был положен поверх берестяной сумки с вещами. Кроме этого, там были еще три поворотных наконечника гарпуна, украшенные резным орнаментом в уэлено-оквикском стиле, костяные острия, каменный топор, массивное овальное скребло, нуклеидные и ножевидные скребки, короткая ретушированная ножевидная пластинка из черного кремнистого сланца, два кристалла горного хрусталя, наконечник стрелы из серого кремнистого сланца, резец, кремневое листовидное острие и плитка серого песчаника со следами растирания на ней охры, а также расколотый пополам кусочек окаменевшей охры. Справа и слева от берцовых костей встретилось несколько галек (отбойников) и справа — кремневый концевой скребочек. Судя по такому обилию каменных инструментов, нуклеусов, отбойников отщепов, в могиле, вероятно, был погребен мастер, который был и художником. Иначе ему не положили бы охры.

На северо-восточном краю могильного бугра были произведены раскопки внутри трех каменных оградок, расположенных рядом и хорошо заметных с поверхности. В двух из них оказа-

Изделия из моржового клыка и нефрита из древних уэленских могил: 1 — втулка гарпунаго древка; 2 — острие (могила № 2); 3 — поворотный наконечник гарпуна (могила № 1); 4 — составной отжимник (могила № 2); 5, 6 — нефритовые резцы (могила № 2); 7 — змеевидный предмет, возможно, от оленьей уздечки (могила № 3); 8 — чашечка для культовых возлияний из детского погребения.

Скелет № 2 из могилы № 4 узленского древнего кладбища.

крыльями (так называемый «крылатый предмет»). Наличие в могиле этих предметов позволяет предполагать, что здесь погребен шаман.

Погребальный инвентарь во второй могиле оказался довольно скудным, но специфичным: женский нож из сланца и под ним, между ребрами и тазом, множество тонких четырехгранных иглол из моржовой кости. Там же остатки берестяной сумочки, а справа от берцовых костей — продолговатое и узкое лопаткообразное костяное орудие и змеевидный гребень из моржовой кости, который заслуживает особого внимания. Впоследствии мы со специалистом в области чукотского оленеводства тов. Зайцевым пришли к убеждению, что он поразительно сходен с теми приспособлениями, с помощью которых чукчи и в наше время обезжачают молодых оленей, используя эти костяные с острыми шипами предметы в качестве своеобразных шпор на шею животного. Не является ли эта находка указанием на древнее происхождение оленеводства на Чукотке?

лось по одному человеческому скелету, а в третьей — четыре (один под другим). Все скелеты лежали головой на восток.

Наиболее обильна вещами первая из этих могил. Кроме поворотных наконечников от гарпунов, каменных топоров, ножей, скребел, резцов из зеленого нефрита, весьма оригинального составного костяного отжимника для обработки каменных орудий и многих других изделий, здесь оказались настоящие шедевры косторезного мастерства: тотемный значок, изображающий женщину-бобреху с детенышем, концевая втулка (головка) от древка гарпуна с изображением стилизованных человеческих фигур и навершие жезла в виде бабочки с распластанными

Третья, «многослойная», могила невольно заставляет задуматься о семейных отношениях, общественном строе людей, оставивших это древнее кладбище. Два самых нижних скелета в этой могиле были погребены одновременно или почти одновременно, два верхних — в разное время: между ними более толстые прослойки чистой земли.

По последовательному использованию одна могила (обставленная камнями) напоминает своеобразный семейный склеп. Естественно поэтому допустить, что погребенные в ней люди находились в близких и устойчивых родственных отношениях. А это значит, что уже в то время на смену неустойчивым парным семьям эпохи патриархата стали появляться моногамные семьи, и родовой строй вступал в фазу своего длительного разложения. Наличие на древнем узленском кладбище бед-

Пластическая реконструкция по черепу скелета № 2 из могилы № 4 Узленского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской).

ных и богатых инвентарем погребений говорит как будто бы о том же. Погребенные в данной могиле являются в этом отношении ярким примером. Два верхних и самый нижний скелеты обнаружены нами с очень малым количеством вещей. Возле самого верхнего был только сланцевый нож грубой отделки (возле лопатки), а среди ребер — костяной бородчатый наконечник от птичьего дротика, костяная обоймочка от каменного скребка и костяной закреп тягового линия. У второго (сверху) скелета погребальный инвентарь также скуден: массивный

продолговатый кремневый скребок, сланцевый оббитый наконечник копья (возле левого плеча), сланцевый ножик (возле правого плеча), а при самом нижнем, женском, скелете вовсе не было никаких вещей. Зато вокруг третьего (сверху) скелета погребальных вещей оказалось много. И большей частью они богато украшены узорами: головка гарпунного древка, «крылатый предмет», наконечники гарпунов, каменные ножи, топорик, наконечники копий, костяные острия и др. Налицо факт немущественного неравенства, которое было, вероятно, связано с образованием устойчивых семей в рамках еще довольно крепкого родового строя.

Г. В. Лебединской удалось восстановить из этого «семейного склепа» лицо по черепу второго (сверху) погребенного.

Лицо это, так же как и всех черепов Уэленского могильника, обладает вполне определенными эскимосскими чертами.

От мыса Шмидта к Ванкарему

(Из дневника 1957 года)

Эскимосы живут в настоящее время на Чукотке лишь в немногих поселках — Нунымо, Чаплино, Сирениках, Уэлькале (на южной и юго-восточной стороне Чукотского полуострова). Совсем недавно они поселились и на острове Врангеля. Однако можно предполагать, что в древности они обитали по всему северному побережью Чукотки, вплоть до Колымы. Об этом свидетельствуют эскимосские географические названия, широко распространенные по всему побережью от Берингова пролива до Колымы. На это указывают также многочисленные легенды о некогда обитавших в этих местах полумифических «онкилонах», в которых можно угадать эскимосов. О том же говорят и археологические данные (раскопки Г. Сарычева в 1787 г. и А. П. Окладникова в 1946 г. на Барановом мысе, разведки Норденшельда на мысе Шмидта в 1878 г. и др.). Правда, к скудным археологическим данным надо относиться с большой осторожностью. Они рисуют нам в основном материальную и духовную культуру, а известно, что сходную материальную и духовную культуру могли иметь и разные народы, например, эскимосы и береговые чукчи.

Поэтому давно уже испытывалась острая необходимость в новых археологических материалах с этого участка побережья, и я решил использовать остаток осени 1957 года для археологических поисков от мыса Шмидта до Ванкарема. При условии благоприятной ледовой обстановки я надеялся пройти и дальше

на восток: до Уэлена, где меня ждали М. Г. Левин и Р. В. Чубарова. Они настойчиво приглашали меня произвести археологические раскопки на древнем уэленском кладбище.

3 сентября.

Только 2 сентября попал я на мыс Шмидта и произвел разведку. Нашел много древних жилищ и несколько могил.

4 сентября.

С рабочим — двадцатилетним чукчей Васей отправились мы на мыс Рыркайя (Шмидта).

Прежде всего раскопали две могилы, обставленные в виде прямоугольной и округлой оград большими камнями. В первой из них в сырой земле среди обломков костей нерпы и других морских животных оказались пластины китового уса и толстый глиняный черепок, а также следы сгнивших костей покойника, погребенного на подстилке из дерева и китовых ребер. Могила была засыпана крупным щебнем. Вторую могилу не докопали, так как она оказалась замерзшей. Интересно, что формой оград эти могилы обнаруживают какое-то сходство с древнеберинго-морскими захоронениями. Затем мы шурфовали большие бугры у подножия скалы Рыркайя. Это развалины землянок из китовых костей (именно эти бугры были замечены Норденшельдом). Весь их культурный слой — в вечной мерзлоте. Она появлялась в шурфах уже на глубине 20—30 сантиметров, поэтому никаких находок эти, несомненно, древние жилища не дали.

На самой вершине скалы, на площадке у ее выступа, оказалась развалившаяся низкая стена — вал из обломков камня. Внутренняя ее площадь достигает 60—100 квадратных метров. И никаких признаков жилья.

Землянки из китовых костей, маленькие, как в Сенлуэ, прилепились ниже по плоскому гребню тремя группами — одна ниже другой, — разделенными крупнообломочными осыпями. В каждой группе по 3—4 жилища, тесно расположенных одно возле другого.

В тот же вечер мы начали раскопки на скале внутри одной из этих маленьких землянок. Уже сверху шло очень много костей морзверя (нерпы, моржа), расколотые кости оленя, черепа пса, а также разные поделки из моржового клыка.

Утром эти раскопки внутри землянки были продолжены и дали каменное, подшлифованное со стороны лезвия тесло, шлифованные ножи из глинистого сланца, рукоятки молотков или тесел, два колка от гарпунов (большого и малого) и много че-

репков, толстых и тонких, в том числе и венчики. Все это находилось в завале из камней и костей на глубине до 60 сантиметров. Глубже пошла мерзлота, и нижний слой этой землянки остался нераскопанным.

При входе, вернее, в коридорообразном проходе между плитами, оказались угли и зола. А черепки попадались повсеместно и на разных уровнях. Судя по всему, землянка относится к пунукскому времени.

5 сентября.

Сегодня работали до обеда. После этого я отпустил Васю, а затем, несмотря на сильный ветер и мокрый снег, обошел окрестные возвышенности. Разведка этих возвышенностей ничего не дала: там все покрыто крупными обломками и глыбами камня (делювий). Затем я перевез снаряжение к байдаре, на которой завтра поплыву в Ванкарем.

6 сентября.

Путешествие на байдаре по Ледовитому океану до Ванкарема продолжалось трое суток.

На косе Двух пилотов осмотрел две древних землянки из китовых костей, нашел там черепки и каменный (сланцевый) нож.

Ночевали прямо на одной из кос. Чай пили все вместе у костра, и я продолжил с чукчами беседу об истории, начатую еще в байдаре. Этот хороший разговор очень сблизил меня с этими людьми. Говорили не только об археологии, но и о будущих межпланетных путешествиях, о грандиозном проекте плотины через Берингов пролив, которая изменит климат Чукотки, о жизни оленеводов.

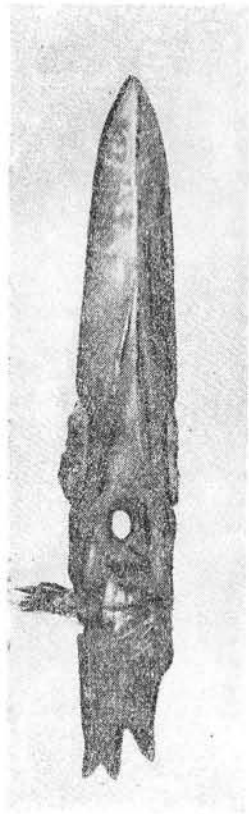
Следующий день был очень хороший, но к вечеру погода стала ухудшаться. Надвинулся туман, проходы среди льдин становились уже.

Пришлось проталкиваться через очень узкие проходы между льдинами, а два раза груженная байдары, как птица, перелетала с разгона через ледяные перекаты.

Но все же дойти до Ванкарема по воде нам не удалось. Байдару перетаскивали через косу на еще свободную ото льда лагуну, но и по ней прошли только два километра. На косе, отделяющей лагуну от моря, я увидел длинный ряд бугров с торчащими из них китовыми костями — развалины древних землянок. Их было не менее 20—30. В одной из них нашел грубый глиняный черепок, снял ее план (вход со стороны лагуны в виде короткого коридора).

Мыс Шмидта (на скале — древнее укрепление).

Гарпунный поворотный наконечник из древней землянки возле Ванкарема (1/5 н. в.).

Байдари разгрузили и решили до Ванкарема идти пешком. Я попросил байдарную команду подтащить мое снаряжение (палатку, резиновую лодку, коллекции и др.) до Ванкарема. Все охотно согласилось и, оставив байдари на косе, навьючились и пошли. А я вооружился лопатой, намереваясь произвести попутно археологическую разведку. И мне повезло. На высоком бугре, на правом берегу речки Куэмкай обнаружил старые, уже задернованные кучи оленьих рогов, а под ними палки, медвежьи и перпичьи черепа, а также по костяному наконечнику от поворотных гарпунов древнего типа (один из них для охоты на кита).

В Ванкарем добрались, когда уже стемнело. Я сходил на Ванкаремский скалистый мыс и уже в сумерках на вершине произвел беглую разведку. Обнаружил развалины древних землянок двух типов — два больших бугра в диаметре до 30 метров, 3 метра высотой, с торчащими из них китовыми костями, и землянки меньших размеров — до 15 метров в поперечнике из дерева и костей. Такие же древние землянки оказались внизу, возле железного поселкового склада.

Весь следующий день с помощью молодого чукчи Чевы я занимался предварительным исследованием этих древних землянок, а 9 сентября совершил поход с его отцом на реку Куэмкай, раскопал там еще одну ритуальную кучу рогов, шурфовал древние землянки, собирал подъемный материал на косе.

Выяснилось, что перекрытие и опорные столбы землянки на мысе сооружены из бревен. Под бревнами рухнувшего перекрытия была обнаружена мясная яма, перекрытая моржовой лопаткой. Вокруг на различных уровнях, преимущественно на глубине 1—1,5 метра, — множество костей морских зверей и различные костяные и каменные предметы домашнего, хозяйственного и охотничьего обихода: скребла и ножи из глинистого сланца, каменные топоры, кирки из моржовых клыков, на-

конечники копий, стрел, а также один совершенно целый глиняный сосудик сферической формы (высотой 6 см, диаметром 7 см).

Записка обнажения второй землянки (внизу, на косе возле железного склада) выявила оригинальную конструкцию стены из горизонтально положенных бревен, укрепленных стоящими на ребре каменными плитами и деревянными стойками-столбами. Кроме костей морских животных и множества сланцевых ножей, скребков, наконечников копий, были извлечены и многие другие предметы из кости и морского клыка, в том числе орнаментированная пулукским геометрическим орнаментом наружная защитная пластинка, применяемая при стрельбе из лука, наконечники кирок и стрел, колок от китового гарпуна и гарпунный поворотный наконечник бирнирского типа: с открытым гнездом для насада, с одним прорезом для пояса гнезда и противоположными желобками, со сложной асимметричной шпурой с четырьмя шипами, с одной круглой дырой для линия и с двумя боковыми вкладышевыми каменными лезвиями, плотно укрепленными в пазах в плоскости, перпендикулярной дыре для линия. Конеч линия (поясок гнезда) — из китового уса. Наконечник линия скупо орнаментирован с обеих уплощенных сторон четкими врезными линиями (по две с каждой стороны). На нем сохранился продетый в прорез гнезда обрывок пояса из китового уса.

Таким образом, возле Ванкарема на побережье Чукотского моря были обнаружены новые следы культуры морских зверобоев. Эта древняя культура, сочетающая признаки ранее известных на Чукотке и Аляске древнеэскимосских культур Бирник и Туле, относится к середине I — началу II тысячелетия н. э.

Эти новые археологические данные теперь уже вполне определенно подтверждают предположение о заселении данного участка побережья Чукотки эскимосами.

11 сентября.

Вечером на байдаре вышли из Ванкарема по лагуне, а затем вверх по речке Ванкарем до стойбища оленеводов.

Среди моих спутников моторист-чукча, сорока трех лет, хорошо говорит по-русски, молодой бригадир почтовой байдары, паренек лет девятнадцати — ударник комсомольской оленеводческой бригады. В нашу бригаду входят также одна девушка и две пожилых женщины.

Вскоре пристали на ночь к низкому тундровому берегу.

12 сентября.

Едем дальше. Я очень удобно пристроился на байдаре, могу даже в дневник записывать. Сделали уже две остановки. На первой осмотрели высокий мыс с правой стороны горла. Там оказались следы стойбища, расположенного на щебнисто-глинистой, местами лишайниковой поверхности пологого холма высотой примерно 30 метров. Здесь когда-то были две-три яранги. Возле одной из них сохранились бугорки с жжеными костями — следы праздника осеннего забоя оленей. Вторую остановку сделали возле охотнушки, километрах в десяти далее по берегу второй лагуны у косы. Здесь летом ловят рыбу, зимой охотятся на песца.

Моторист у нас знающий и дельный. С ним интересно беседовать. Я у него спросил, почему татуировка у женщин, едущих с нами в байдаре, разная: у сорокалетней две обычные полосы вдоль носа, у одной старухи более сложный рисунок, а у второй старухи вовсе нет. Он ответил, что «кто хочет красивым быть, тот делает, кто не хочет, тот не делает», а никакого значения эта татуировка не имеет. Он мне также рассказал, что до революции в Ванкареме были не яранги, а землянки. Слышал он и о майоре Павлуцком (Якунине).

Парнишка-оленеvod одеждой отличается от береговых чукчей. У него шапка другая, вроде треуха из меха с аппликацией и на шее две нитки голубых бус. Выглядит очень нарядно.

13 сентября.

Берега у реки Ванкарем всюду низкие и малоинтересные в археологическом отношении.

Но вот устье реки Увельмай. Здесь рыбалка — одна яранга на высоком берегу и две маленькие перевернутые байдары на бечевнике. Возле байдар варит в котелке рыбу женщина с ребенком лет двух, сидят двое мужчин. Они приветствуют нас радостным «етти!». Люди, видно, здесь редкость.

Несмотря на дождь, успеваю сделать небольшую разведку. На возвышенности — древние могилы из оленьих рогов.

Остались последние два километра вверх по речке Увельмай, до охотничьей избушки, куда мы везем уголь и доски. Там зимой будет жить охотник Сынок, наш моторист, получивший уже две премии за удачную охоту: ружье и часы.

15 сентября.

Сегодня с утра долгожданный южный ветер и солнце. Тепло, словно лето вернулось. Весь снег стаял.

Я решил детально осмотреть ту горку, на которой до пурги нашел осколок кремня. Пришлось добираться два-три километра по осклизлым кочкам и трясине. Светило солнце, дул южный ветер, и пригретая солнцем тундра чем-то напоминала просторную степь. Я невольно вспомнил привольные забайкальские степи, где в юности совершал свои первые археологические путешествия.

Суровый край Чукотка, но уж если блеонут синевой небеса, — хороша тундра, ликует душа! И пусть я мерзну, пусть ноги немеют, — не устану мне по тундре ходить.

На южном склоне горки, прикрытом от северного ветра, на площадке около 30—40 метров в поперечнике, рядом с еще сохранившимся дерном — целый наконечник из кирпично-красного кремня, грубо оббитый, как на озере Эльгыгытгын. Это большая удача. Площадка возвышается над рекой на 20 метров. Над ней — двадцатиметровая гора. находка была на охристо-желтой супеси с мелкой щебенкой. Рядом, на конце площадки, еще участок, прикрытый дерном с коричневой землей, и там кучка из 4—5 маленьких камней. Это место надо обязательно раскопать.

18 сентября.

Байдара доставила меня обратно в Ванкарем. Но в тот самый момент, когда она подходила к поселку, поднялся и, грациозно развернувшись на бреющем полете, улетел тот самый самолет, на котором я собирался вылететь из Ванкарема. Я опоздал на каких-нибудь 5—10 минут.

Не оставалось ничего другого как продолжать раскопки вместе с Чеви.

По обнажению берегового обрыва продолжали исследование древней землянки, нашли там одну костяную защитную пластинку для предохранения руки при стрельбе из лука, украшенную пунукским орнаментом, колок для гарпуна и сам наконечник поворотного гарпуна бирнирского типа.

20 сентября.

Заведующая интернатом школы Мария Дмитриевна Дороичева попросила меня рассказать школьникам о моих работах. Ребяточки все, кроме одной ученицы, — чукчи. Они, как галчата, бросились рассматривать мои находки. В результате на другой день принесли мне целую коллекцию древних вещей, которую собрали среди развалин ванкаремских землянок.

Между тем мыс привлек мое внимание не на шутку. Думается, что там среди камней древний могильник. Некоторые камни установлены по четыре в ряд, как на древнем уэленском кладбище.

Проследил несколько могил, устроенных в расщелинах между скальными останцами и заваленных огромными глыбами. Копал между камней. Всюду близко к поверхности — тлен, спнившее мясо и кости морских животных, а в упомянутых выше двух больших ямах засыпка шла на глубине до 60 сантиметров. В одной из них попались кости моржа, нерпы, медведя, оленя, каменные мотыги, глиняные черепки, сланцевые ножи, обломок сланцевого копья и костяное шило. В другой могиле оказалось очажное пятно, и в нем битая посуда, а ниже тлен. Скорее всего, это могилы поздние. Прощупать бугор детальнее я не могу, так как земля уже замерзла.

26 сентября.

Несколько дней прошло в мучительном ожидании самолета. Моя жизнь изумительна, если только вдуматься.

Сегодня с утра сильно подморозил ноги. Мой ватный мешок совсем не греет, а оленья шкура сползает с ног. Только к середине дня немного отогрел ноги и стал читать Андерсена. Вечером, когда уже самолета быть не могло, сходил в село, купил хлеба, разжег костер, вскипятил чаю. Любо смотреть, как на сильном ветру пылает огонь. Пил горячий чай с истинным наслаждением. Еще бы, ведь он так согревает. Поймешь чукчей с их пристрастием к этому напитку, когда поживешь вот так, на постоянном морозе.

Ветер крепчает, мороз усиливается. Вода в миске замерзла. Полы палатки трепещут, их раздувает ветром, как парус.

Я живу здесь в полном одиночестве. Кроме Агыги и Чеви, меня навещают только собаки, но они предпочитают это делать, когда меня нет. А когда я в палатке, вижу только их тени, как в китайском театре теней.

27 сентября.

Внимательно перечел статью Архинчеева. Оказывается, он высказывался за уссурийское происхождение чукчей. Интересно его мысль об упряжном пути происхождения чукотского оленеводства. Потом стал читать статью Антроповой из этого же сборника.

Между тем поднялся ужасный северный ветер. Палатку так и рвет.

3 октября.

Палатку ветром все-таки свалило, и я перебрался в соседнюю ярангу, где меня встретили очень приветливо. Самолета все нет. Вместо движения, смелых археологических изысканий я томлюсь ожиданием. Вот уже с неделю живу в общежитии у строителей.

За эти дни снял подробный план поселка, тщательно изучил устройство всех жилищ, отметил ориентировку их по странам света. Некоторые из жилищ оседлого типа имеют два входа: с южной и восточной стороны — на случай снежных заносов. Изучал конструкцию и кочевых яранг. Их в поселке несколько.

Поражает продуманность и целесообразность каждой их детали. Обошел все яранги, познакомился со всеми их обитателями.

19 октября.

Сегодня наконец прилетел самолет. Я горячо благодарил летчика Филиппова за то, что он вызволил меня из «ванкаремского плена».

На машине я доставил ящики с коллекциями к новой, совсем недавно выстроенной большой гостинице. Приятно было чувствовать тяжесть этих ящиков: все-таки в них немало новых коллекций для музея, ценных в научном отношении материалов, значительно полнее, чем раньше, характеризующих культуру морских зверобоев на малоисследованном участке побережья от мыса Шмидта до Ванкарема.

Через несколько дней я буду в Анадыре. Продолжать раскопки на древнем Уэленском могильнике придется в будущем году во что бы то ни стало.

Снова к Уэленскому могильнику

(Из дневника 1958 года)

23 сентября.

Идем на вельботе к Уэлену. Вышли сегодня утром из Нунымо. В Нунымо я познакомился с сыном председателя колхоза Мишей Зеленским. Он подарил мне интересную археологическую коллекцию из древних костяных вещей, собранных им в поселке среди развалин давнишних эскимосских землянок.

Команда на вельботе состоит из трех чукчей: моториста Нотапына, очень дельного, опытного, депутата окружного Со-

вета, и двух его помощников — Вахчая (Васи) и Гиргольгаги-на (Гриши) — молодых, спорливых ребят.

Море становится бурным, вельбот бросает с волны на волну.

Прошли очень привлекательную в археологическом отношении мысовидную возвышенность Ситын. Даже с вельбота хорошо видны китовые ребра древних землянок, а ведь здесь могут быть и погребения. Но пристать к берегу мешает сильный прибой. Нотапын утешает меня:

— Обратно пойдем, тогда пристанем. При северном ветре приставать здесь лучше.

Древнее стойбище возле Поутена находится на другой стороне лагуны — надо переезжать через ее горловину. В этих местах ни один археолог еще не был. Была недавно, месяц тому назад, только девушка-ботаник Татьяна Соколова. Она пешком прошла от Нунымо к этому месту, жила в стойбище, которое в горах.

С Нотапыном и Васей на вельботе перебрались на другую сторону лагуны. Осмотрели землянки. Они оказались поздними. В китовых ребрах (опорных столбах) торчали железные гвозди. Всюду битые стекла и прочие следы недавнего обитания.

После выхода из лагуны в штормящее море мотор внезапно заглох и нас выбросило на каменистый берег.

Перетащили из лодки на берег уже основательно промокшие вещи. Хорошо, что на берегу была пустая избушка рыбаков. В ней мы нашли оленьи шкуры, чайник, кастрюлю, топор.

26 сентября.

Благополучно дошли до Дежнева, хотя вельбот давал небольшую течь. Ветер дул с северо-запада, с гор. Это было очень удачно. Шли близко к берегу. Чуть дальше Поутена — древнее стойбище. Всюду эффектные скалы. Впереди так и просятся на фото пленку заснеженный мыс Дежнева и стаи птиц на его фоне.

В Дежнево вытянули вельбот на берег и пешком пошли в Уэлен. Три моих лопаты и спальный мешок взял Тнеркат на свою нарту, усадив туда и пожилую женщину Рольтот. Мы с Васей взяли по вещевому мешку, а Гриша взвалил на спину тяжелый чемодан одной девушки. Нотапын ушел вперед налегке, а двое девушек убежали раньше всех.

На полпути встретилась охотничья избушка без окон. Дверь на гвозде. Я открыл ее и зашел внутрь. Там оказалась желез-

ная печь, две коробки спичек и ворох сухих дощечек — дрова. Еще один пример традиционной взаимопомощи.

Вообще путь от Дежнева до Уэлена удобный, проходит по очень пологим увалам. Встречающиеся на пути речки и ручьи очень мелки, их можно проходить вброд.

Не заходя в Уэлен, я осмотрел место раскопок на древнем кладбище. На ночлег устроился в интернате косторезной мастерской. Коля и Толя, молодые косторезы, оказывается, работали у М. Г. Левина на раскопках. Таким образом, у меня уже сегодня верная информация о его работах, а это очень важно для соблюдения преемственности в раскопках Уэленского могильника.

27 сентября.

Удалось раскопать погребение ребенка, засыпанного красной охрой в области груди (этот интересный обряд встречен мною впервые в погребениях Уэленского могильника). В тот же день раскопали еще одно погребение, более позднее.

Председатель колхоза Леонид Александрович Караваев обещал дать мне в помощь десять рабочих, уже принимавших участие в раскопках могильника и, следовательно, опытных в археологическом отношении.

28 сентября.

Вышли на работу с самого раннего утра. Копали добросовестно, но достались нам только «рожки да ножки». Хотя и пять погребений, но все без черепов, если не считать вчерашнего (№ 10). Вещи же в погребениях все сами по себе интересны и удачны.

4 октября.

За девять дней напряженной работы было завершено вскрытие двух больших участков могильника. Один из них площадью в 37 квадратных метров, другой — 124 квадратных метра. Оба эти участка составляют одно целое с моими раскопками в 1956 году и с раскопом М. Г. Левина в 1957—1958 гг. Всего нами исследовано 24 погребения, большей частью сохранившихся плохо, но тем не менее очень интересных неожиданными деталями погребального обряда и погребальным инвентарем.

Вчера, например, был расчищен скелет ребенка, погребенного в оградке из камней, китовых и моржовых костей, тщательно закрытый сверху двумя китовыми лопатками. Поверх

этих лопаток рядом три костяные пики. Скелет располагался на глубине 60 сантиметров. С ним еще одна такая костяная пика (за черепом), кремневый наконечник стрелы (среди костей черепа), шлифованный нож из глинистого сланца, чашечка для жертвенных возлияний с головкой нерпы, сделанная из моржового клыка, каменный нож-скребок с художественной костяной рукояткой и две палки-«копаки» из моржового клыка.

Извлечли монолитом очень хорошо сохранившийся женский скелет с совершенно целым черепом, который лежал на глубине около метра в вытянутом положении черепом на северо-восток. Возле правого плеча две вещи — нож из шлифованного глинистого сланца в художественной костяной оправе и чашечка для жертвенных возлияний из моржового клыка. С той же стороны возле таза — широкий шлифованный нож из глинистого сланца; на бедренных костях — предмет наподобие кирки из моржового клыка, а под черепом — костяная фигура птички.

5 октября.

Повалил снег, задула пурга. Зима началась как раз тогда, когда я кончил раскопки, самые поздние в этом году на Севере.

Открытие континентальной доэскимосской культуры на острове Айон

Четыре года проводит музей полевые археологические исследования, летом — в тундре, а поздней осенью — на морском побережье.

Все очевиднее становится тесная историческая взаимосвязь этих двух столь различных культурно-исторических областей в прошлом.

И вот, наконец, наши поиски по морскому побережью приводят нас к поразительному открытию на острове Айон: рядом с памятниками приморской культуры обнаруживаются памятники типично континентального облика.

Большой остров Айон, песчаный и слегка всхолмленный, весь изборозженный ручьями и речками, расположен далеко за полярным кругом, у северного берега Чукотки.

Издавна оленеводы перегоняют сюда через узкий и очень мелкий пролив свой стада, и все лето животные спокойно нагуливают здесь жир: на обдуваемом морским ветром острове

не так свирепо донимают комары и мошка, как в глубине Чукотки.

Сами же островитяне — они живут в поселке Айон на западном берегу острова — занимаются, кроме оленеводства, и зверобойным промыслом.

Еще в 1920 году возле поселка Айон мореплавателем Свердрупом были обнаружены бугры древних развалившихся землянок, обитатели которых жили много сотен лет назад и занимались морской охотой.

В археологии обычно так: чем древнее, тем значительнее, потому что все стремятся как можно глубже проникнуть в необратимое прошлое человека, а ведь чем глубже, тем труднее. Поэтому самыми замечательными археологическими находками на острове Айон следует признать не эти развалины землянок морских охотников, а более неприметные и во много раз более древние следы человека, обнаруженные на острове совсем недавно.

Открыть их удалось сначала геологам. В 1957 году геолог А. А. Калинин сообщил в Анадырский музей, что обнаружил на острове, на берегу речки Рывеем, следы новой культуры. Затем поступило сообщение о подобных следах в трех пунктах острова и от московского профессора В. Д. Лебедева, проводившего в 1958 году на острове полевые исследования ихтиофауны.

Наконец, А. А. Калинину вторично, уже в другом месте по речке Рывеем удалось обнаружить следы этой совершенно забытой, невиданной до тех пор на острове культуры. Последние весьма интересные находки А. А. Калинин передал в Чукотский краеведческий музей.

Моя поездка на остров Айон была, к сожалению, очень непродолжительной — всего два неполных дня, да еще почти зимой, в начале октября. Но все же мне удалось воспользоваться оттепелью и тем, что снег частично стаял, и осмотреть местонахождение одной из древних стоянок, обнаруженных В. Д. Лебедевым, а также найти еще четыре новые.

Неоценимую помощь оказали мне сведения, полученные от геолога А. А. Калинина, а также письмо профессора В. Д. Лебедева из Москвы, которое было адресовано мне прямо на остров Айон. «На южном берегу, — писал профессор Лебедев, — имеется большая куча оленьих рогов, ее фотография помещена в «Записках Чукотского краеведческого музея»; если вы пойдете вправо от рогов (надо стать спиной к морю) и пересечете небольшой овражек, то увидите следы старых

яранг. От этих яранг надо немного пройти вниз к морю. В этом районе по пятнам песка между куртинками куропачьей травы попадают кремневые орудия и осколки керамики в довольно большом количестве». Мы с моим спутником и помощником В. А. Корнеевым действительно нашли вещи необычайной выразительности. Поразителен был уже сам материал, из которого они сделаны. Здесь преобладал не обсидиан, как на изученных нами древних континентальных стоянках Чукотки, — большинство изделий было из кремня светлых тонов, преимущественно желтого или светло-желтого. Из этого материала было шесть наконечников стрел, только обломок седьмого наконечника из голубоватого кремня. Из подобного светло-желтого кремнистого сланца на Чукотке мне приходилось встречать наконечники стрел только на берегах реки Амгуэмы, а геолог Н. Н. Левошин нашел их однажды на реке Экитыки. Внимательный осмотр айонских наконечников показал, что это сходство еще более глубокое. Сходной оказывается и форма, тоже весьма своеобразная: все наконечники, за исключением двух плоских, необычайно массивны, один имеет длинный черешок, два и, очевидно, третий (обломанный) — без черешка, с округлым насадом, — очень вытянуты в длину и всем своим видом напоминают наконечники с реки Экитыки и Амгуэмы.

Подобные остатки древнего стойбища посчастливилось найти в тот день еще в трех местах южного берега острова. В довершение сходства с находками В. Д. Лебедева на обнаруженной им стоянке у кучи рогов там оказались также и тонкие серые черепки от глиняной посуды.

На северном берегу острова и далее вверх по реке Рывеем посчастливилось обнаружить следы древнего стойбища уже совсем в других условиях — в глубине острова, в 8 километрах от моря на высоком (около 25 м) песчаном обрыве левого берега реки. В 6—8 метрах от верхнего его края ясно виднелся темный оторфованный супесчано-суглинистый слой толщиной 60—70 сантиметров, местами буроватой окраски.

Против того места, где река делает крутую излучину, слоистые пески над этим темным слоем выветрились, обнажив широкую площадку этого темного слоя, и здесь, в самой верхней части, у края обрыва, удалось найти вполне определенный след обитания человека — маленький обломок сильно патинированной ножевидной пластинки из серого кремня. А шестью метрами ниже по склону обрыва, в его осыпи, белели обломанные трубчатые кости маленького мамонта, еще ниже — его

ребра и нижняя челюсть, а в самом низу обрыва — череп. Кости мамонта не относятся, конечно, к культурному горизонту с ножевидной пластинкой. Этот культурный слой принадлежит к тому же времени, что и открытые А. А. Калининым, В. Д. Лебедевым и мною стоянки открытого типа на острове Айон. Все эти айонские стоянки имеют большое научное значение. Сходные с континентальными стоянками Чукотки и Нижней Лены, они свидетельствуют о том, что остров был населен людьми в весьма глубоком неолитическом прошлом, когда еще было оленеводство, а сюда прикочевывали, спасаясь от комаров, многочисленные стада диких оленей, на которых люди здесь охотились.

Вместе с тем факт взаимного совмещения на острове Айон двух одновременных культур — приморской и континентальной — вполне определенно указывает направление, в котором следует искать разгадку происхождения эскимосской культуры.

Дальше мы увидим, что именно континентальная культура является той исторической основой, на которой возникла культура древнеэскимосская.

Эскимосская проблема в свете новых данных

Разведка по Чукотскому побережью Ледовитого океана, раскопки древнего Уэленского могильника дали много ценных фактов для решения эскимосской проблемы. Мы можем теперь, благодаря пластическим реконструкциям Г. В. Лебединской, воочию представить себе даже древних охотников на морского зверя, предков эскимосов и морских чукчей, погребенных на древнем уэленском кладбище. Располагаем мы теперь, благодаря этим раскопкам, богатой коллекцией различных образцов древней художественной резьбы по моржовой кости. Обилие обнаруженных в уэленских погребениях костяных наконечников от поворотных гарпунов позволит внести уточнение в периодизацию древних эскимосских культур, претерпевающую в последнее время существенные изменения в сторону омоложения их почти на 500 лет благодаря новым «радиоуглеродным» датам, полученным в США. Но все же загадка происхождения высокой древней культуры чукотского и американского арктического побережья не поддается разрешению, если все эти обильные материалы рассматривать сами по себе. Ключ к этой проблеме следует искать в континентальной тундре этого сектора Арктики.

возможность, что морские звери поднимались вверх по реке и охота на них и изобретение самих гарпунов могли иметь место у анадырских поречан и лишь впоследствии распространились отсюда и по морскому побережью.

Следовательно, то, что ранее нами только предполагалось, теперь подтверждается: древнеэскимосскую зверобойную культуру никто не принес в готовом виде с далекого Юга, она возникла на Севере, ее истоки найдены теперь на берегах реки Анадыря, а впоследствии ее корни, вероятно, будут обнаружены и в других местах арктической зоны Северо-Восточной Азии и Америки (вплоть до Гренландии), заселенной эскимосами.

На протяжении всех этапов развития культуры зверобоев чукотского побережья только в самых незначительных количествах употреблялось драгоценное на Севере железо. Его получали с далекого Юга и использовали лишь для тончайших резцов, с помощью которых вырезались узоры по кости. Подавляющая масса орудий труда изготовлялась из камня и кости. Тем не менее, благодаря исключительной изобретательности, далекие предки эскимосов и чукчей с помощью даже таких скудных средств смогли выстоять в жестокой борьбе с суровой природой Севера.

Изобретенные ими гарпуны с поворотными наконечниками обеспечивали им обильную добычу на море.

Распространение оленеводства, кочевого быта и военной демократии. Конец вековой изоляции

Еще более значительный прогрессивный сдвиг произошел в тундре. Там возникло кочевое оленеводство — тип хозяйства, более выгодный, чем охота. Сложился кочевой и при всех своих преимуществах невероятно тяжелый оленеводческий быт, который до последних лет — до внедрения механизации в оленеводство являлся единственным способом освоения огромных ягельных пастбищ Чукотки.

Пока еще не раскрыта тайна происхождения оленеводства на Чукотке. Впрочем, не лучше обстоит дело с решением этой проблемы и для других оленеводческих районов Сибири. Существует лишь множество противоречивых гипотез. Археологических материалов для решения этой проблемы еще крайне мало. Можно предполагать только, что оленеводство возникло на Чукотке позже, чем зверобойный промысел. Его распространение связано здесь с войнами. Захватывая стада у коряков и

юкагиров, чукчи расселялись в XVII—XVIII вв. со стороны Чукотского полуострова по Анадырю и его притокам и далее на запад до Омолона.

Развитие кочевого оленеводства, правда, пока еще очень примитивного, внесло в общественную жизнь народностей Чукотки элементы неравенства, расшатывало первобытнообщинный строй. В укреплениях на скалистых мысах морского побережья — местах старинных побоищ можно и сейчас еще найти человеческие кости, остатки костяных лат, наконечники стрел и различное другое оружие. Все это приметы новых отношений между людьми, характерных для эпохи зарождающейся военной демократии. Но по-прежнему сохраняется на Чукотке каменный век. Только приход в XVII веке русских кладет конец вековой изоляции, и Чукотку наводняет железо, табак, ткани и прочие невиданные здесь раньше товары.

В чем смысл этой истории?

В чем же смысл этой истории, если на нее посмотреть с наиболее общей, философской точки зрения?

Еще 40 лет назад при взгляде на историю обитателей Крайнего Северо-Востока могло показаться, что, собственно, истории не было и не могло быть в этом заповеднике первобытной отсталости. Буржуазные историки так и утверждали, да и теперь еще пытаются удержаться на этих позициях. По их мнению, народы Севера были не способны к историческому творчеству и не имели ровно никакого отношения к историческому прогрессу.

Новые археологические данные разоблачают эти вымыслы и доказывают, что отсталость народов Чукотки в прошлом — явление временное и не типичное для них. Эта отсталость была присуща только весьма ограниченному периоду времени — последним двум-трем тысячелетиям, когда Северо-Восток пребывал в некоторой изоляции. Подобное временное отставание свидетельствует лишь о неравномерности исторического развития и прогресса на нашей планете, о постоянном перемещении передовых, ведущих в историческом отношении центров и областей из одной части планеты в другую. В силу этого исторического закона любая группа человечества имела свой период подъема и упадка (отставания) относительно ко всему человечеству в тот или иной период истории. Периоды относительного прогресса и отставания пережили и такие страны, как Египет, Месопотамия, Китай, Греция и даже Россия. Но даже

в период временного отставания они имели свою историю и вносили свой вклад в общий прогресс. И прошлое Чукотки — яркое тому доказательство.

Народности Чукотки, как и вообще все северные народности, внесли большой вклад в развитие культуры хотя бы тем, что именно они освоили суровый Север планеты. В эпоху верхнего палеолита, мезолита и раннего неолита племена Чукотки стояли в одном ряду с другими племенами Земли. Именно тогда через Чукотку проходил великий путь переселения людей из Азии в Америку. Развитие производительных сил, положительных знаний, искусства, уровень абстрактного мышления и мировоззрения, общий уровень познания мира был на Чукотке примерно таким же, как и в других местах.

Замечательные слова одного эскимоса: «Мудрость рождается в великом единении и в преодолении трудностей», — как нельзя более относятся в целом к северным народам. Брошенные судьбой на край ледяной пустыни, они внесли свой бесценный вклад в великий процесс познания мира. Они создали изумительное изобразительное искусство. Вспомним хотя бы чукотско-эскимосскую художественную резьбу по моржовому клыку. У них развилось сложное устное народное творчество, богатое образами и глубокими идеями мировоззренческого и космогонического характера.

У этого самоотверженного отряда человечества, принявшего на себя самые жестокие удары природы, оказалась поразительная сила духа и развились замечательные человеческие, моральные качества: смелость, честность, любовь и дружеская взаимопомощь. Таким образом, народы Северо-Востока не отстали в стороне от общечеловеческого исторического процесса. И хотя развитие техники и общественного строя у обитателей Чукотки с некоторых пор в прошлом стали отставать, в морально-этическом отношении северные племена никогда не отставали от других народов.

Содержание

От автора	3
Пролог	5
По следам континентальных культур	8
К древним становищам по Анадырю	8
Разведка по Амгуэме	23
По Анадырю и Майну в 1958 году	29
Загадочное захоронение черепов. Верх по Анадырю и Белой — к древнему стойбищу на Чировом озере. Удивительная находка в Усть-Бельском кургане	43
Истоки неолитической культуры на Чукотке	62
Археологическую датировку подтверждают физики	62
Не бродячий образ жизни, а оседлость	63
Чьи предки охотники и рыболовы II I тысячелетий до н. э.?	65
Бронзовый век — новая глава истории Чукотки	66
Начало вековой изоляции, или как произошло «закрытие» Америки и Северо-Восточной Азии	68

По морскому побережью Чукотки — к предкам эскимосов и береговых чукчей	72
Сенлун мстит археологам	73
Раскопки Уэленского могильника	77
От мыса Шмидта — к Ванкарему	84
Снова к Уэленскому могильнику	93
Открытие континентальной доэскимосской культуры на острове Айон	96
Эскимосская проблема в свете новых данных	99
Распространение оленеводства, кочевого быта и военной демократии. Конец вековой изоляции	102
В чем смысл этой истории	103

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Магаданское книжное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: Магадан, 8, книжное издательство.

90

1 р. 73 КНА
(С 1/1 1961 г. — 18 коп.)

f

МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

